

Мария Новик

Разрешите нас
познакомить

Мария Новик

Разрешите вас пригласить

«Издательские решения»

Новик М.

Разрешите вас пригласить / М. Новик — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968124-9

Тоня думала, что развод с мужем и предательство лучшей подруги — самое ужасное, что может произойти в жизни. По профессии врач-терапевт, а по призванию художница — она отправляется жить на съёмную квартиру, которую сдавал молодой парень. Перевезя туда всё, что смогла забрать из бывшего семейного дома, девушка неожиданно узнаёт, что у её временного жилища, оказывается, есть настоящий хозяин, который оставил ключи другу-спекулянту на время отъезда, — закоренелый холостяк и бабник... Ярослав...

ISBN 978-5-44-968124-9

© Новик М.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	37
Глава 10	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Разрешите вас пригласить

Мария Новик

© Мария Новик, 2019

ISBN 978-5-4496-8124-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

На город не так давно опустилась непроглядная ночь. Столица никогда не замирала, какое бы время суток не наступило. Мегapolis жил собственной жизнью двадцать четыре часа, горожане стремились поспеть за этим ритмом. Одни только ехали на работу в ночную смену, другие возвращались с неё, уставшие и вымотанные после тяжёлого дня, проведённого в офисе, за стойкой, за прилавком или же у станка.

А иные прибывали в город после продолжительных выходных, которые таковыми и назвать нельзя, потому что отдых только снился.

Усталость настойчиво валила с ног. Антонина никак не могла попасть ключом в замочную скважину. Дверь будто не желала пускать её в собственную квартиру.

Хотелось лишь войди домой, обнять мужа и упасть на кровать, укутаться в пушистое одеяло и быстро уснуть. Впереди несколько дней отдыха, которыми оставалось вскользь насладиться, а после снова рабочие будни – непродолжительный отпуск закончился. Тоня приехала на пару дней раньше, потому что матери стало лучше. Она не очень хорошо относилась к сварливой пенсионерке, которая постоянно попрекала её куском хлеба. Однако родителей не выбирают: какие есть. Сколько родственников ни ругай за их недостатки и отсутствие здравого смысла в действиях, но, когда с ними что-то случается, начинается паника, вызванная подкатывающим одиночеством.

В очередной раз зевнув, Тоня сумела открыть треклятую дверь и прошла в квартиру.

Приглушённые звуки доносились из зала. Свет был выключен, лишь отблески от экрана телевизора плясали на матовых стёклах межкомнатной двери.

Антонина ориентировалась в темноте. Поставила дамскую сумочку в прихожей на тумбу и рядом с ней уместила чемодан на колёсиках. Устало сняла кашемировое пальто, одним движением расстегнув широкие пуговицы одну за другой, и разулась, скинув с ног удобные ботильоны на устойчивой платформе.

Выдохнула. Наконец-то дома.

В мыслях всплыли образы недовольной матери, которая постоянно ворчала, ругалась, в нелестной форме отзывалась о редких визитах и закатывала истерики с завидным постоянством. Теперь, когда ей зафиксировали гипсом бедро, которая она сломала по своей неосторожности, можно было вернуться домой. Мама даже не проводила. Только бросила на прощание: *«Опять в свою Москву поёрлась, даже мать родная не нужна, только работа да этот паршивец Гриша на уме. Тьфу!»*

– Чёрт... – тихо выругалась Антонина и включила свет в узком коридоре. Она споткнулась о чью-то обувь.

Она была аккуратной, да и муж не отличался частым разбрасыванием вещей; свои ботинки всегда ставил в угол, небрежно сдвигая стопой.

Рядом с привычной обувью стояли туфли на высокой тонкой шпильке. Антонина никогда не носила подобных туфель, так как они деформировали стопу и пальцы. Врач – она и есть врач. Лучше отказать себе в удовольствии, чем жить и мучиться.

В груди зарделось пламя сомнения. Немного поразмыслив, Тоня пошла дальше. На яркой и чистой кухне с евроремонтом никого нет. Только две кружки с недопитым кофе на столе, конфеты, в вазе стоят цветы на подоконнике, и грязная турка лежит в круглой мойке.

В зале работал телевизор. Музыкальный канал разносил по уютной светлой комнате мелодию французского исполнителя. Динамичный клип быстро сменился другим не менее живым и быстрым. *«Странно... по телефону Гриша ни слова не сказал про гостей»* – лихорадочно соображала она. Сознание подсказало, что гостя – судя по шпилькам и кофе – явно здесь не первый день. Тоня схватила пульт с дивана и выключила телевизор, нажав на кнопку.

Тишина была короткой. Из спальни тут же стали доноситься слабые женские стоны и скрип кровати. Антонина обомлела. Ноги несли её вперед, к двери, из-под которой виднелась полоса яркого света.

Зайдя в комнату, она едва не упала. Губы дрожали. Сама она тряслась, словно осиновый лист. Взгляд был прикован к парочке, страстно занимающейся любовью на хозяйской постели. Григорий лежал на кровати, тяжело дыша и закрыв глаза от удовольствия. Сверху на нём, искусно изображая из себя бравую наездницу, стоная и выгибаясь, находилась рыжая красотка с прекрасными формами.

– Г... Гри... ша... – Тоня не знала, что говорить и что делать в такой ситуации. Она была ошарашена наглостью мужа и его изменой. Он не постеснялся привести в дом другую женщину, более того занимался с ней сексом в спальне!

Мужчина открыл глаза и удивлённо поднял голову. На его лице отпечатался страх. Он открывал рот, видимо, не зная, что сказать. Переводил взгляд то на жену, то на любовницу, не в силах что-то объяснить.

– Тоня?! Ты чего приехала? Сегодня же пятница... – только и смог выдать он, замерев на кровати.

Голая соперница повернулась, перестав, наконец, стонать. Она откинула огненно-рыжие волосы назад и сдула упавший локон с лица. Антонина узнала её без труда – лучшая подруга Ольга согревала супружеское ложе и не давала успокоиться чреслам скучающего мужа. Взгляд хищницы прожёт несчастную жену насквозь, оставив незаживающие раны.

– Ты... – дрожащим голосом произнесла Тоня. – Как... что это такое... Как ты могла, Оля? – она шевелила губами и едва могла говорить шёпотом.

– Дорогая... я... я всё сейчас объясню... – попытался оправдаться Григорий, тут же спихнув с себя наглую рыжую бестию. Он поднялся с постели и бросился к жене.

– Не подходи ко мне... – Антонина сделала несколько шагов назад, выставив вперёд раскрытые ладони. Она не желала ни единого прикосновения изменника. Глаза наполнились слезами. – За что... – Это единственный вопрос, на который она хотела получить ответ.

– Золотко, может быть, раз всё так получилось, ты ей уже скажешь всё? – пропела Ольга, прикрывая притягательные формы одеялом. – Что толку скрывать дальше, всё равно узнала.

– Заткнись, пожалуйста, Оля, – осадил её Григорий, натягивая трусы на ещё не успокоившееся восставшее хозяйство. – Тоня, давай просто поговорим. Спокойно всё обсудим. – Он попытался подойти к Тоне, но она не дала ему сделать ни единого шага.

– Рассказать? Что рассказать? – ещё больше обомлела Тоня. Злость съедала её изнутри. – Это уже не в первый раз? Сколько продолжается это безумие, Гриша? Сколько времени я живу под одной крышей с кобелём? – Она даже не пыталась вытереть льющиеся ручьем слезы. Столько боли вытекло из души! И ещё больше сформировалось в груди!

Ольга неспешно одевалась на кровати. Она попросила мужчину подать ей вещи, раскиданные по полу спальни, и разбирала их, смакуя момент измены. С улыбкой победительницы рыжеволосая куртизанка натянула чёрные стринги, застегнула кружевной бюстгальтер и надела обтягивающее платье. Грациозно слезла с постели и, виляя бёдрами, прошла мимо бывшей подруги, слабо обтёршись плечом о её плечо.

Тоня не подняла на неё взгляд. Так хотелось вцепиться Оле в волосы и вытащить в коридор, спихнуть с лестницы, и, не обращая внимания на её крики, просто закрыть дверь. Но она держалась из последних сил.

– Позвони мне, Гришенька! – промурлыкала, скрываясь в коридоре, Оля, взмахнув тонкой кистью. Она явно провоцировала Антонину на разборки. – Когда твоё недоразумение тебя бросит, мы отметим это событие!

Тоня сорвалась с места подобно гепарду. Она собиралась выбить всю дурь из Ольги. Уже в коридоре за руки её схватил Гриша. Он оттаскивал жену назад. Она билась в истерике, плача

и ругаясь. Рвалась так, словно подруга всю жизнь была для неё врагом. Муж едва мог сдерживать её на месте, чтобы она не вцепилась в горло любовнице и не порвала её в клочья.

– Пусти меня, тварь! Ненавижу тебя! Пусти! Я убью её! Я сердце ей вырву и заставлю его сожрать! – орала она, срывая голос.

Гриша обхватил жену руками и потащил по коридору. Он кивком указал Ольге на дверь. А когда она, успев забрать только туфли, выскочила в подъезд, то продолжил управляться со взбесившейся Тоней. Она была раздавлена обстоятельствами. Кричала, что ненавидит мужа, что жалеет о том, что вообще с ним познакомилась. Много чего она говорила в истерике.

Когда пара добралась до спальни, Гриша отпустил супругу. Она тут же накинулась на него. Дала несколько пощёчин, оставив следы ногтей на щеках. Вновь начала кричать ругательства, а потом ослабла, рухнув в слезах на пол. Она царапала ногтями паркет, уткнувшись лбом в пол, и редела навзрыд, всхлипывая.

Никогда Григорий не видел женщину настолько истеричной. В один момент она превратилась из добродушной хозяйки, которая обожала рисовать после работы, в фурию, крушащую всё на своём пути. Чтобы как-то попытаться успокоить Тоню, Гриша коснулся ладонью её спины, но Тоня тут же выгнулась, сбрасывая руку.

– Не трогай меня! Не смей меня трогать! – взвыла она, продолжая реветь.

Больше Гриша касаться её не стал. Он вышел из спальни и сел на диван, накрыв голову руками. Он понимал – она не простит. Не выслушает, не успокоится и не станет давать никаких шансов. Только развод. Другого исхода он не ждал.

Глава 2

Тоня закрылась в себе и не хотела ни есть, ни пить. Просто лежала на полу, достав подушку и одеяло из комода. Лежать в кровати отказывалась: помнила о том, что видела здесь.

Григорий пытался её вразумлять, но она словно ничего не слышала. Молча буравила взглядом стену. Он призывал её выпить успокоительное, поговорить или просто перелечь на постель. Даже попытался перенести её на кровать, но Тоня начала брыкаться, отталкивая ненавистного ей человека от себя.

Рука затекла, как и спина. Утро наступило незаметно, и как только Тоня услышала, что захлопнулась входная дверь, медленно поднялась и отправилась в зал.

Антонина легла на диван, подложив подушку под голову, и быстро провалилась в сон без сновидений. Всю ночь она пролежала на полу, терзая себя мыслями о том, что предстоит изменить свою жизнь. Слёзы текли даже из закрытых глаз, стекая по вискам к ушам. Было тяжело принимать решение – это всё равно, что оторвать себе руку. Девять лет брака бесследно не проходят.

...Тоня познакомилась с Гришей на автобусной остановке. Она ожидала маршрутку, постоянно посматривая на часы. Рабочий день в больнице уже начался. А Тоня всё ещё стояла, нервно переминаясь с ноги на ногу. В тот момент она сетовала на то, что не отправилась на метро, сейчас уже была бы в здании и слушала приказы недовольного куратора. Это её первый день в интернатуре, и он начался с опоздания. Роговский наверняка уже рвёт и мечет.

По дороге, объезжая неторопливую ржавую семёрку, пронёсся чёрный Вольво и вдарил колёсами по луже, которая образовалась после утреннего ливня. Грязная вода волной брызг опустилась на блондинку в лёгком сарафанчике и балетках.

Тоня ошарашенно сделала несколько шагов назад и развела руки в стороны, окидывая себя взглядом. Сарафан покрылся пятнами воды и грязи, колготки безнадежно испорчены. Даже волосы промокли, превратившись из причёски в «мама, я после душа».

Автомобиль резко затормозил и тут же начал сдавать назад. Остановившись у самого края лужи, Вольво замер и из него тут же выскочил молодой человек приятной наружности в джинсовой жилетке и шортах.

– Девушка! – он подбежал, быстро засовывая ключи в карман жилетки. – Девушка, простите! Я не хотел! Простите! – затараторил он, пытаясь отдышаться. – Я спешил, и... Блин, простите, я вас облил. Просто хотел объехать, и... – он выглядел виновато, активно жестикулируя и окидывая взглядом Тоню, которая раздосадовано вздыхала, осматривая свой неприглядный вид.

– На дорогу надо смотреть! – бросила она раздражённо. – Покупают права, а потом ходят извиняются, – проворчала Антонина. – Вот что мне теперь делать? Как мне на работе в таком показаться? – Уверенность в том, что от куратора ей влетит, становилась только больше.

– Простите, пожалуйста. Как я могу искупить свою вину? – поинтересовался молодой человек, подойдя ближе. – Давайте я вас подвезу. Вы сказали, что вам на работу надо? Где вы работаете – я докину.

– Как мне в таком ехать? Вот что за день такой. – Тоня убрала с лица стекающие мутные капли и едва не заплакала. Хорошего настроения и без того не было, а теперь слёзы грозились политься в любой момент.

– Не переживайте, девушка. Сейчас всё исправим, – парень подошёл к ней и аккуратно взял её за плечи. – В машине есть салфетки, пойдёмте, я вас подвезу.

Тоня подняла взгляд на молодого человека. Ещё тогда, стоя перед ним, она оценила его красивые глаза и милую улыбку. Вытянутое лицо, притягательные черты, грубый мужественный голос с привлекательной хрипотцой. От парня пахло одеколоном, приятный аромат кото-

рого тут же вытеснил все мысли из головы. Пара секунд превратились в минуты. Она смотрела и смотрела, а он неловко улыбался, опуская взгляд.

– Не против перейти на «ты»? – проронил он несмело, всматриваясь в лицо Тони. Она робко кивнула. – Как тебя зовут? Меня – Гриша.

– Тихая... – назвала она фамилию, запутавшись в собственных мыслях. – Антонина. Тоня, просто Тоня, – сказав, она смущённо опустила взгляд.

– Не против сесть ко мне в машину, Тоня Тихая? – загадочно спросил Григорий. Его губы снова тронула мимолётная улыбка.

Тоня кивнула. Она была так увлечена новым знакомым, что забыла про всё на свете.

В тот день она так и не появилась в больнице. После прогула ей сильно влетело, но она всё же попала в интерны к Роговскому. Хоть врач был недоволен таким поведением, однако не мог впоследствии не заметить, насколько она старательна и умна.

Гриша часто подвозил Тоню до работы, звонил во время ночных дежурств, заботился, ухаживал, дарил цветы. А через четыре месяца сделал ей предложение, на которое услышал ответ «да»...

С тех пор прошло девять долгих лет, которые были перечёркнуты изменой. Нет смысла размышлять о том, почему такой поступок свершился, нет смысла верить и прощать, потому что обманувший однажды непременно обманет снова. Не будет конца изменам, вранью и новые шансы продолжают сыпаться из расколотой души.

Антонина проснулась от ощущения тёплых пальцев на своей щеке. На мгновение она окунулась в приятные грёзы, но, пробудившись, укрыла голову одеялом, прерывая лёгкое касание.

– Тоня... Поговори со мной, – попросил Гриша с грустью в голосе. – Давай просто поговорим. Всё, что ты видела... да что я, в самом деле... – он вздохнул. – Да, я тебе изменил. Даже не знаю, с чего это началось, просто как-то внезапно я увлёкся ею. И понеслось. Я не думал, что ты приедешь на два дня раньше. Ты не позвонила, не предупредила. Просто... я не знаю, Тонь. Мне нечего сказать больше. Прости, если сможешь.

Антонина не ответила. Она продолжала скрываться под одеялом и плакать. Её тело содрогалось в рыданиях, которые она сдерживала, чтобы снова не поддаться своей истерике. Но та брала верх.

– Тоня... скажи мне хоть что-нибудь, – взмолился Григорий. – Я умоляю тебя. Хоть голос подай. Милая...

– Не называй меня так, – бесчувственно отозвалась Тоня сорванным голосом. – Ты хочешь, чтобы я тебя простила? Зачем? Чтобы снова испытать на себе твои измены?

– Я порвал с Олей. Всё кончено, – сказал Гриша. Он сделал небольшую паузу, а потом продолжил: – Она закатила истерику, но я...

– Мне всё равно, что там с ней. Даже если она застрелится или сиганет с крыши, мне будет всё равно, – столь же безразлично прервала Антонина. – Не будет её, придёт другая. Может быть, эта шлюха – не первая, а вторая или третья.

– Это не так. Больше такого не будет, я обещаю, – Григорий нервно сглотнул. – Посмотри на меня, Тоня.

Воцарилось молчание. Тоня игнорировала своего мужа, но от этого становилось только тяжелее. Продолжала неподвижно лежать, стараясь не разреветься в голос. Гриша приблизился и просунул руку под одеяло, чтобы найти холодное запястье. Но Тоня отстранилась, крепче подоткнув одеяло под себя. Она не хотела видеть мужчину, не хотела знать его и ощущать его прикосновения.

– Сколько это продолжалось? – нарушила молчание Антонина. Ей было трудно принять решение. Она решила задать несколько вопросов, чтобы окончательно убедиться, что стоит

подать на развод. Раз и навсегда лишит себя прошлого, которое сейчас всеми воспоминаниями стремилось убедить её в обратном.

– Тоня, пожалуйста, давай всё забудем, – Казалось, Григорий был полон убеждений, что жену нужно направить в другое русло. Чем меньше она знает, тем быстрее простит.

Однако Антонина была непреклонна. Сейчас заставляла себя отказаться от всего, что её когда-то связывало с мужем. Если бы пуля не убивала, а всего лишь стирала память, Тоня непременно зарядила её в пистолет и приставила бы дуло к виску, моментально нажав на курок.

– Говори... – прошипела она. – Правду. Сколько времени вы трахались за моей спиной? – Последние слова она произнесла с болью в голосе. Слезы начали снова душить.

Она выглянула из-под одеяла и мельком посмотрела на Гришу. Он стоял на коленях перед диваном, опустив взгляд вниз и закусив от досады губу. Стиснув зубы, он поморщился и прошипел.

– Одиннадцать месяцев, – бросил он и закрыл глаза ладонью, сжав пальцами виски.

Тоня заскулила, давясь слезами. Год... почти год, муж и подруга дурачили её. Каждый из них смотрел ей в глаза и улыбался. А она делилась секретами с Олей, благодаря Бога за дружбу, и целовала мужа, в котором души не чаяла. Она верила им. А они за её спиной просто занимались сексом при любом удобном случае.

– Прости меня, динь. – Муж называл её так за звонкий голос. Ей раньше очень нравилось такое прозвище. Гриша часто нащёптывал ей на ухо, обжигая горячим дыханием: Люблю тебя, моя динь. – Я умоляю тебя, Тоня, прости меня! Я дурак! Я просто идиот, прости меня. Я что угодно сделаю, только не уходи. Я прошу! – затараторил он. – Посмотри на меня, Тоня. Ну же, посмотри на меня, милая.

Он несмело взял край одеяла и медленно потянул. Ожидая встретить сопротивление, контролировал каждое своё движение. Сначала показались взъерошенные спутавшиеся волосы, потом бледное лицо, которое не выражало никаких эмоций. Дальше такое же бледное плечо. Мужчина остановился. Он отпустил одеяло и взглянул на замершую жену.

Пусть смотрит. Это сделал с ней он. Тот, кого она любила. Тот, за кого вышла замуж. Тот, кому она мечтала подарить ребёнка.

– Тоня... – муж провёл пальцами по её щеке. – Посмотри на меня. М? Один раз посмотри.

Антонина выполнила просьбу и повернула голову. Гриша ошарашенно глядел на неё, будто не веря в то, что сотворил. Прежней Тоня не будет, лишь снова сломается, если простит. Прощение, доверие, чувства – обо всём можно забыть.

Тоня поднялась и села. Она в один миг словно перестала всё понимать: где находилась, что делала, кто перед ней. Провела трясущейся ладонью по своим волосам, пригладив их слегка. Григорий положил руки ей на колени и попытался прильнуть к ним лицом, но Тоня отстранилась и встала с дивана, откинув одеяло.

Неслышно, словно призрак, ступая босыми ногами по полу, она прокралась в мертвенной тишине в ванную и закрылась там. Села на край ванны. Сгорбившись, как старуха, Антонина завывала, роняя слёзы на кафельный пол. Стены давили на неё, а отчаяние вгоняло кол в сердце. Осталось только лечь в гроб. «За что мне всё это?» – носилась лихорадочно мысль, заставляя рыдать ещё сильнее.

Боль ломала рёбра, руки тряслись, в висках стучало. Хотелось сказать мужу: «Я подаю на развод», но рот словно склеился намертво. Она скулила и завывала подобно избитой собаке. Противоречия мучили её.

Голова закружилась, все мысли собрались в одну острую иглу и принялись пронзать воспалённое сознание. С той стороны двери раздавался тихий приглушённый голос мужчины, которого Тоня любила до беспомысленности до сих пор. Даже сейчас, плача и икая от слёз, она мучилась от этого чувства, не в силах противостоять самой себе.

Но и простить его не могла.

Наконец, спустя несколько часов мучительного раздумья, когда слёз уже не осталось, Антонина включила воду, умылась, снимая остатки сомнения с себя, подержала на лице полотенце, стиснув его пальцами крепко, а потом вышла из закутка.

Она шла по коридору, ведомая мыслью о том, что скажет мужу. Он ждал. Сидел на диване, обречённо глядя себе под ноги. Тербил обручальное кольцо на пальце, словно желал, чтобы оно втёрлось под кожу и осталось там навсегда. За столько лет супружеской жизни они всё же научились понимать друг друга. И Тоня надеялась на то, что думала правильно. Гриша сожалел. Ему было тяжело терять то, что стало привычным. Он начал изменять и возможно сам ушёл бы месяца через три-четыре из семьи. Но сейчас наверняка в груди яростно стучало сердце, потому что восплававшие чувства поджаривали его, словно на вертеле. Вот так, никогда не дорожа тем, что постоянно рядом с нами и днём, и ночью, мы в какой-то момент боимся потерять это, потому что срослись с ним, и отпустить человека, – значит содрать кожу с лица.

Глава 3

«Вот и всё», – решительно, но всё же с болью, выдохнула Антонина, поставив подпись на заявлении по расторжению брака. Она подавала его одна, но знала, что даже при отсутствии Гриши всё равно семья распадётся: по закону развод состоится, даже если против этого один из супругов.

Прошла неделя с момента последнего разговора с Григорием. Он беспрерывно умолял, стоял на коленях, пытаясь как-то повлиять на решение. Но Тоня была непреклонна, с каждым часом всё больше убеждалась, что время семьи Мироновых кончилось.

Выйдя из ЗАГСа, она села на скамейку возле здания. Достала из сумочки пачку сигарет и... закурила. Она давно отказалась от пагубной привычки. Но сейчас такой необходимый никотин хлынул в лёгкие, наполняя их отравой, которая хоть немного, но успокаивала.

Голова закружилась, а дыхание прервалось и появилось ощущение закупорки внутри. Свободные лёгкие быстро отреагировали на резкий вдох дыма. Тоня закашлялась и выбросила тлеющую сигарету в урну, разгоняя остатки дыма взмахами руки.

Тёплый сентябрьский ветер и ласковые лучи солнца ещё навевали мысли о летних деньках, когда можно было расслабиться и получить удовольствие от отпуска. Каждое воспоминание подобно молоту, который с неприятным звоном ударял по наковальне. Мысли о прошлом ещё долго не оставят в покое Тоню, и она это понимала. Но решение принято. Как бы ни было сложно и больно, но сейчас на кону её жизнь. Распахнув недлинное пальто, Антонина продолжала сидеть на скамье, осматриваясь вокруг.

Зелёные остроконечные ели контрастировали с салатовыми кривыми ветвями лиственных деревьев, которые уже готовились к полномасштабной осени. Некоторые листочки уже пожелтели и опали, выделяясь огненными пятнами на розовой брусчатке. По тротуару сновали люди: кто-то спешил на работу, иные плелись домой, некоторые бежали по делам или просто прогуливались в погожий осенний день. Машины на дороге создавали не прекращающийся серый шум, сопровождаемый сигналами клаксонов и голосами.

Посидев немного и подумав о закате семейной жизни, Антонина достала из заднего кармана сумочки смартфон и открыла интернет-браузер. Зайдя на сайт со списком съёмных квартир, она пролистала его несколько минут, смотря на цены и красивые фотографии помещений. Ни одно жильё ей не подходило: одни квартиры слишком дорогие, вторые далеко от работы, третьи вызвали кучу сомнений из-за малого количества информации.

Вздыхнув, она встала и пошла к метро, решив, что продолжит поиск, сидя за компьютером. Тоня искренне надеялась на то, что дома не будет Гриши, ведь ему уже пора отправляться на сутки. Чёртова привычка... Она выучила расписание мужа и теперь не могла отделаться от него, как и от всего остального в своей памяти.

Неспешно прогуливаясь по улице в сторону метрополитена, Тоня сунула телефон в карман. Не обращала внимания на людей, которые не останавливались, в основном пялясь в экраны своих гаджетов или же беседуя в маленькой компании.

От резкого толчка в спину она запнулась и упала. В ладони тут же появилось ощущение пустоты. Ремешок дамской сумочки ещё напоминал о себе призрачным присутствием, а мелькающий силуэт вора быстро скрывался впереди.

– Помогите! Сумку украли! На помощь! – Тоня вскочила и рванула за воров по тротуару. На боль в коленях не обращала внимания, просто старалась не упустить из виду обокравшего её человека.

Никому, казалось, не было дела до её несчастья. Все только недоумевающе оборачивались, хмыкали или вовсе не придавали значения случившемуся. Безразличие людских масс

взволновало Антонину, она бежала, всё больше задыхаясь от образования огненного сгустка внутри.

***

Вор, спотыкаясь, завернул за угол и прислонился к стене, поставив кулаки на колени. Быстро бегаёт краля. Она так орала и неслась сломя голову, что ему показалось, будто дыхание обжигает затылок и баба сейчас зубами вцепится в шею. От неё так табаком несёт, что кошмар просто. Неужели курильщики могут так быстро скакать?

Ещё раз выглянув из-за угла, парень выцепил силуэт жертвы в толпе, накинул капюшон на бритую голову и, выдохнув, пошёл. Тут же его лицо ощутило на себе крепость чужого кулака. От испуга и боли вор опустился на землю и начал отползать назад, никак не желая выпускать из руки сумку. Противник наступал. Он полез в карман, что-то чиркнуло в одежде. Нож... сейчас его порешат, как собачонку.

Бросив сумку, вор, тяжело дыша и едва не падая, бросился наутёк. Он от страха даже почувствовал, как его капюшон дёрнулся и сполз с головы от касания чьих-то пальцев. Парень удирал так быстро, что перемахнул метровый забор, словно его не было, запетлял между припаркованными машинами, будто всю жизнь занимался только тем, что участвовал в Олимпийских играх.

Мужчина отдышался, проводив взглядом вора. Он поднял сумку, отряхнув её от назойливо прилипшей грязи и пыли, и осмотрелся. Достал из кармана зажигалку и чиркнул ей. Она не работает, но для показательных методов вполне хороша. Многие вору думают, что это нож. Перочинный он всегда носил с собой, но для таких случаев иногда его и вынимать не надо – старая зажигалка работает безотказно, а чирканье имитирует звук выкидного ножа.

Заметив бегущую в панике женщину, он направился навстречу ей, всё ещё пытаясь успокоить бьющееся сердце. Как только он услышал крик несчастной, тут же бросился за беглецом, срезав путь через кусты и территорию новостройки. Успел. Преступник вышел прямо на него, после чего незамедлительно последовал удар по лицу. Но задержать подлеца не получилось – он тут же смылся.

– Моя сумка! – подбежала Тоня к нему.

– Держите, девушка, – улыбнулся простодушно он, протягивая отбитую у него вещь. – Я не открывал, только с земли поднял. Проверьте, всё ли на месте, а то мало ли. Такие на бегу обчищают всё, что попадает под руку, – он с досадой обернулся, окинув взглядом улицу.

– Спасибо! – она взяла сумку и тут же обняла парня. – Спасибо вам! Не думала, что такие ещё остались. Спасибо!

– Да ладно. – Он попытался отстраниться от женщины, чувствуя себя крайне обескураженно. – Каждый сам выбирает, кем быть. А я не могу оставить девушку в беде. Тем более в такой, – оправдался он.

Антонина просмотрела все отделы сумки и облегчённо выдохнула: ничего не пропало. Карты на месте, как и паспорт вместе с остальными документами, а также ключи и прочие мелочи. Смекнув, что нет мобильного, Тоня начала копаться в отделениях сумочки, но потом просто засунула руку в карман пальто и успокоилась окончательно. Улыбнувшись своим мыслям, блондинка кинула гаджет в одно из отделений злосчастной сумки и быстро застегнула замочек.

– Всё цело? – поинтересовался молодой человек.

– Да, вроде ничего не выгащил этот гад, – тихо сказала Тоня. – Спасибо вам большое! Ой, у вас рука разбита, – указала она на покрасневшие от крови костяшки у парня. – У меня где-то были влажные салфетки.

– Не стоит. Не надо. Я тут квартиру сдаю недалеко, там и обработаю. Всё равно пустует пока. Можно сделать из неё полевой госпиталь, – быстро ответил парень.

Тоня замерла. Надо же, какой случай подвернулся в эту минуту. Решив попытать удачу – вдруг не дорого – она поинтересовалась стоимостью и объяснила ситуацию. Парень выслушал её и решил проводить до дома, сразу же по дороге рассказывая про условия. Цена Тоне понравилась, как и описание квартиры.

Новостройка с лифтом и хорошей отделкой, крайне низкая цена за уютную и компактную квартирку с лоджией и мебелью. Внутри было аккуратно и чисто. Никаких цветов и ярких красок, пластиковые окна, минимальное количество предметов интерьера, всё только нужное и важное. Интернет, горячая вода... – всё есть.

Парень, которого звали Федя, так интересно и подробно рассказывал, что у Антонины не возникло никаких сомнений в том, что он действительно хозяин квартиры. Немного поторговавшись, она решила снять жилье на полгода, а потом уже решать, что делать дальше.

Глава 4

Чёрный Вольво замер на стоянке возле новостройки под проливным осенним дождём. Новое, ещё не до конца заселённое здание принимало у себя немногочисленных жильцов, а потому машин на парковке было немного, и Григорий смог свободно припарковаться. Ливень не прекращал осыпать каплями автомобиль, отбивая барабанную дробь.

Антонина тут же выпорхнула из машины, даже не захватив с собой зонт. Ей было неприятно ехать в одной машине с предателем, и она, воспользовавшись удобным случаем, выбралась из стальной ловушки. Непогода нисколько не пугала. Тоня готова была выскочить хоть в ураган, лишь бы быть как можно дальше от Гриши.

Как ей было ненавистно слушать его речи всю дорогу!

Поначалу Тоня отказывалась от любого предложения супруга. Она хотела вызвать такси, чтобы увезти необходимые вещи, однако Григорий молча покидал сумки в свою машину и не собирался отступать. Пришлось согласиться на непродолжительную поездку, во время которой мужчина не прекращал умолять и убеждать.

Но Тоня не собиралась забирать заявление из ЗАГСа. Для неё жизнь кончилась, и возвращаться в пустоту, из которой с трудом выбралась, она не хотела. Не в ее правилах поворачивать назад, поддавшись уговорам ненавистного ей человека. Тоня и в машину бы не села, если бы там не было ей дамской сумки, в которой находились все деньги и документы.

Антонина открыла заднюю дверцу и принялась выволакивать тяжёлую дорожную сумку. Вещей не так много, потому что женщина собрала лишь необходимое. Ни косметики, ни уж тем более украшений и прочих мелочей там не было и в помине. Однако ноша не поддавалась. Либо действительно так тяжела, либо просто в руках не осталось сил.

– Отойди, я сам, – Гриша взял супругу за плечи и аккуратно сдвинул в сторону.

Одарив мужа ненавистным взглядом, она встряхнула плечами, прерывая нежеланное касание. Наблюдала презрением за тем, как Гриша с лёгкостью вытащил дорожную сумку из водонепроницаемой ткани, дамскую сумочку, а из багажника выволок, не заботясь о сохранности, упакованный в плёночный чехол мольберт, палитру и набор кистей с несколькими коробочками масляных красок.

– Спасибо. Дальше я без тебя справлюсь, – процедила сквозь зубы Тоня, потянувшись за дорожной сумкой.

Но мужчина не позволил забрать вещи.

– Номер квартиры, этаж. Я донесу, – настойчиво проговорил он. – Вещи тяжёлые. Ты не сможешь их дотащить даже до подъезда.

– Какая тебе разница? – приняла стойку Антонина, скрестив руки на груди. Дождь беспощадно атаковал, а ветер гнал капли в лицо.

– Ты удивишься, но разница есть, – ответил Гриша. – Пойми, Тоня, – он вздохнул, – я не желаю, чтобы ты бродила по съёмным квартирам в поисках лучшего места для проживания. Мне неприятно знать, что ты будешь далеко, но я понимаю, что тебе требуется время, чтобы прийти в себя и сделать выводы, принять решение. Можем пожить отдельно некоторое время, подумать о...

– Всё кончено, – сухо оповестила Тоня. – Мы разведемся и забудем друг о друге. – она развернулась и направилась к подъезду, засунув руки в карманы промокшего насквозь пальто и сторбившись от тяжести вновь нахлынувших эмоций.

Главное – не оборачиваться. Но Тоне не удалось сохранить самообладание, и она остановилась и посмотрела на Гришу. Он немного постоял, глядя с неким подобием сожаления, потом повернулся боком, протёр лицо ладонью, остановив её на сжатых губах, и замер на пару секунд, глядя перед собой.

– Что ещё я должен сделать, Тоня, чтобы ты меня простила?! – крикнул он и всплеснул руками.

Тоня не хотела отвечать. Для них двоих нет места в будущем.

Муж взял сумки и быстро направился за женой. Машину он поставил на сигнализацию и быстро сунул в карман ключи с брелоком.

– Да послушай ты меня, наконец! – Гриша быстро догнал Антонину. – Давай начнем всё сначала, Тоня. Давай хотя бы попробуем. Я умоляю тебя, не поступай так! – Он всё же преградил ей дорогу у самой двери. Посмотрел в глаза и не увидел в них ничего, кроме злости и ненависти, кипящих подобно лаве.

– Если уж решил мне помочь съехать, то будь добр – заткнись, – осадил Тоня. – Я двести раз тебе повторила уже. Повторяю в двести первый – никаких «нас» нет. Есть я и ты, и идём мы уже по разным дорогам. Ты – чешешь к Ольге, а я – подальше от тебя. Если скажешь ещё слово, то сумки я понесу сама, вопреки твоим желаниям. Или попрошу соседей. Решил помочь – помогай, а не разговаривай, – высказалась зло она.

Гриша вошёл следом за Антониной в подъезд. Он больше ничего не говорил. Его злило поведение жены, но вида он старался не показывать. Понимал, что ей тяжело. Представив себя на её месте – если бы он вернулся домой раньше – осознал, что картины, всплывающие перед глазами, слишком мягкие для настоящей реакции. Он бы убил... Не только любовника, который касался его жену, но и саму Тони утопил бы в ванной. И Гриша опустил голову, стоя уже в лифте. Отрицание сменилось полным пониманием, но надежда на то, что жена его всё же простит, никак не отступала, словно болезнь, которая проникла в кровь и отравляла её.

Врач открыла дверь и выхватила тяжёлую ношу из рук Гриши. Справляясь с болью в руках и напряжением в спине, она затащила всё в коридор, поставив в углу. Развернулась в дверях и собиралась поблагодарить за оказанную помощь. Гриша мгновенно среагировал. Он взял лицо Тони в свои ладони и припал к манящим губам страстным поцелуем. Однако она резко отстранилась, а потом размахнулась и, вложив всю злость в руку, дала хлёсткую пощёчину.

– Ты сдурела? – отшатнулся Гриша, приложив пальцы к щеке.

– Ты спрашивал меня, что тебе нужно сделать, чтобы я тебя простила? – выплюнула она. – Подпиши развод, – рыкнула Тоня и захлопнула дверь перед носом.

Григорий подошёл к дверному полотну. Он прильнул лбом к холодному металлу и закрыл глаза. Коснулся рукой и раздосадовано вздохнул. Ему придётся её отпустить. Как бы ни пытался, не сможет никогда заставить её снова проявить нежность и заботу. В неволе любовь не растёт. Никогда не росла.

– Хорошо... я согласен, – прошептал он, сдавшись на волю обстоятельств.

И ушёл.

Нет смысла стоять здесь, ожидая, что злополучная дверь откроется и всё начнётся сначала по взмаху волшебной палочки.

А Тоня сидела в коридоре возле своих вещей и плакала навзрыд. Она запрокинула голову и смотрела в потолок, будто бы видела пепел собственной жизни, который осыпался на голову и накрывал собой всё вокруг. Множество раз она допускала мысль, что можно дать Грише второй шанс. Быть может, он больше не будет изменять, станет хорошим мужем и, возможно, отцом. Но Тоня знала: не сможет забыть прошлое, видя каждый день Гришу, слушая его признания в любви, слова благодарности и комплименты. Она не сможет до конца простить его. Никогда.

Всё было кончено.

Всё предстояло начинать с начала.

Глава 5

Непогода в городе бушевала недолго. Как бы она ни злилась, но всё же уступила место ярким краскам и теплу бабьего лета. Спальный район утопал в рыжих лучах и причудливых красках матушки Осени. Она небрежными мазками разрисовывала деревья, кусты, траву, разносила аромат свежей листвы по воздуху.

Антонина потянулась в кровати и накинула край одеяла на лицо. Солнечные лучи проникали в широкое окно и рьяно будили ярким светом. Задремать не получится. Несмотря на то, что сегодня выходной и можно поваляться в постели подольше, она решила подняться.

Сначала откинула в сторону одеяло, под которым стало не хватать воздуха. Потом села и протёрла шею ладонью, несколько раз сжав ноющие мышцы. Поправив ляжку хлопкового топака, поднялась на ноги и снова потянулась.

Нащупав стопами тапки под высокой кроватью с резным подголовником, Антонина быстро надела их и сонно поплелась в ванную. Умылась, приняла контрастный душ, смыв с себя остатки дрёмы, и замотала волосы полотенцем. Переделась в домашний махровый халат нежного голубого цвета и принялась заправлять постель. Тщательно взбила подушки, перестелила простынь, заправила одеяло и разгладила, убедившись, что нет ненавистных ей складок. Так Тоня делала по привычке. Всегда отличалась постоянством в действиях. Каждое утро – замкнутый круг, по которому она ходит изо дня в день, забывая к вечеру саму себя и отправляясь спать, полная усталости.

Но сегодня она решила сделать всё иначе.

К чёрту прежний ритм, пошло оно всё в баню и гори там синим пламенем, а может быть, даже зеленым. Да каким угодно, главное, чтобы остался пепел, который нужно только сдуть! Антонина оделась, вместо кофе выпила молока с парой голландских вафель и с планшета зашла в социальную сеть.

Заглянула одним кликом по ссылке на сайт кинотеатра и решила с утра посетить его. Посмотрела на часы и разочаровалась: он открывается в девять. А ещё только половина восьмого. Но отступить Тоня не собиралась. Она всё равно решила для начала выбраться из четырёх стен и прогуляться по свежему воздуху, осмотреть окрестности.

И вообще... почему бы не начать бегать по утрам? «А неплохая идея», – хитро сощурившись, подумала она. Раньше Тоня была спортивной девушкой, до встречи с Гришей, хоть и курила. А потом всё превратилось в рутину – каждодневную и неизбежную.

Нет, Тоня любила свою работу, сознательно поступала в университет и нисколько не разочаровалась в интернатуре и последующей работе. Однако последние два года новый заведующий отделением стал действовать на нервы хуже, чем сварливая бабка с комплексом советской брюзги. Такие вечно чем-то недовольны и портят настроение лишь своим присутствием, даже если просто прошли мимо, не говоря уже о беседах, наставлениях и приказах.

Выбравшись из дома, Антонина отправилась по магазинам. Прошло две недели с тех пор, как она последний раз видела Гришу. Он не выходил у неё из головы, просто не было возможности о нём не вспоминать. Каждый раз, прокручивая какой-то момент в разуме, Тоня понимала, что мыслями возвращается к образу мужа. Это ей жутко не нравилось, однако она терпела из последних сил, чтобы снова не впасть в депрессию. Только выбралась из гнетущего состояния, не хотелось бы попасть туда снова.

Ольга часто доводила бывшую подругу. Она не могла не вставить словечко или едко пошутить, лишь бы как-то задеть Тоню за живое. Теперь Антонина видела настоящую Олю, ту, которая скрывалась за личиной добра и света – злую лицемерную рыжую сволочь. Она показала себя настоящей, словно не было тех лет дружбы и общения, тех моментов радости и взаимопонимания. Осталась лишь желчь.

Раньше они были очень дружны. Оля помогала Тоне справляться с проблемами, связанными с отсутствием детей. Супруги никак не могли сделать семью полной. И Ольга утешала, постоянно поддерживала подругу во всех начинаниях, а Антонина отвечала взаимностью. Оля была лучшей подругой, человеком, которому можно доверить самые важные тайны и даже доверить жизнь.

Но её не стало. Её место тем злополучным вечером заняла ядовитая змея, которая отравила своим ядом душу и травит до сих пор. Она отняла всё: надежду, стремление, желания, радость... лишила мужа.

«Почему я снова думаю о нём?» – раздражённо подумала Антонина.

Она добралась на метро и проехала пару станций. Вышла из душного перехода, заполненного лживыми бродягами и нищими музыкантами, цыганками и прочими отверженными, которые не видели другого заработка, кроме этого. Ложь всюду. И она казалась Тоне невыносимой. После случившегося три недели назад она видела на лицах всех людей ложь, словно эта навязчивая идея засела занозой в голове и застелила мутной плёнкой взгляд.

Серая масса людей проходила мимо, и Тоне казалось, что она тонула в этом потоке. Ещё немного, и она упадёт, а люди будут просто ходить по ней, не замечая, что у них под ногами.

Протиснувшись через огромную толпу, в которой было нечем дышать, Антонина впорхнула в здание торгового центра подобно испуганной птице, которая едва не угодила в силки. Отдышавшись, прошла через весь холл к стеклянному лифту и доехала до четвёртого этажа. Настроение и желание побегать улетучились, Тоне в один момент перестало всё нравиться. Она ходила по отделам, передевалась в примерочных. Но так ничего и не купила.

Но как только добралась до отдела, в котором продавались краски и кисти, то замерла и даже слабо улыбнулась. Она поняла, что ей сейчас нужно.

Купив для разнообразия гуашь и темперажные краски, новую палитру и ещё несколько кистей, Антонина улыбнулась шире. Она испытала некое облегчение, увидев столько ярких красок и такое разнообразие цветов.

Вернувшись домой, Тоня сняла верхнюю одежду и обувь и бросилась на лоджию, по дороге разбирая сумку с покупками. Она завязала фартук, заплела волосы в тугий колосок, завернув его в улитку на затылке, распаковала краски, оторвала неуклюже разрисованный лист и начала рисовать на чистом.

Нанесла густые краски на новую палитру, ощутила их текстуру пальцами, чтобы привыкнуть к новой консистенции, так как работала раньше масляными. Понюхала, чтобы привыкнуть к запаху, смешала, глядя на соединение цветов. Тоня нанесла неровные мазки, снова поэкспериментировала со смешиванием. Кисть в руке дрожала, словно стремилась вырваться из пальцев и удрать.

Антонина никак не могла сосредоточиться и сделать то, что задумала. Фартук и руки были все в точках, брызгах, разводах, но в голову приходила только какая-то чушь. Картины не получалось. Тоня отложила палитру и кисть и отправилась мыть руки. Потом, не снимая фартук, сварила себе кофе без сахара, посидела за столом с задумчивым видом, смотря на то, как пар поднимается из чашки с крепким напитком. В мыслях – каша. Столько всего случилось за это время, что просто не получится вот так, по щелчку прийти в себя.

Тоня не сделала ни единого глотка. Просто наблюдала, как остывает кофе в чашке, струящийся парок становится всё призрачнее, а бежевая пенка медленно уменьшается. Она представила, как её жизнь так же медленно уменьшается и становится призрачной... словно водопад, который при ссыхании реки становится всё меньше и постепенно пропадает.

Поймав идею за хвост, Тоня бросилась на лоджию, стремясь выплеснуть эмоции. Она взяла палитру, краски и начала рисовать... пальцами. Один мазок, другой, третий. Рука скользила по плотному холсту, выливая чувства потоком. Словно в магическом трансе, Тоня рисовала, нанося мазки и смешивая цвета. Она находилась целиком в своих мыслях, по её щекам

текли слёзы, потому что она вспоминала свою жизнь и рисовала, рисовала, рисовала... Тоня хотела стереть пальцы в кровь, руки стесать до самых локтей, хотела вся вылиться серой массой на этот холст и остаться там, чтобы её впоследствии сожгли или выкинули.

В груди разлилась боль, растекаясь по венам. Ядовитый состав двигался от сердца по рукам, которые работали на холсте, переливая всю гамму чувств на него.

Становилось легче.

Постепенно скорость рисования стала меньше, а движения – более плавными. Взгляд словно прояснился, и вскоре Антонина села на пол, положив палитру рядом с собой. Она вытерла слёзы с лица, оставив на коже разноцветны разводы, и посмотрела на рисунок.

Вся боль, весь негатив был там, на бумаге.

Внутри не осталось ничего.

Глава 6

Будильник разносил неприятную мелодию по комнате, спеша заставить хозяйку мобильного телефона проснуться. Любимая песня, звучащая ранним утром, теперь стала походить на военный горн, который орал, неприятно действуя на слух. Если насильное пробуждение случается в выходной – можно считать, что план на весь день будет содержать лишь один пункт – кого-нибудь убить. Или попытаться.

Тоня пожалела, что не отключила будильник. Однако минутка самобичевания закончилась, когда она воспроизвела в памяти все моменты суточного дежурства в больнице. Изматывающие экстренные ситуации, недовольные пациенты, которым не лежалось в палатах, неусидчивые подростки, пострадавшие при авариях – много всего случилось за ночь, ещё больше произошло ближе к утру.

Но главной проблемой для Антонины являлся заведующий отделением Андрей Васильевич Скрябнин. Все скандалы начинались и заканчивались на нём. С тех пор, как заслуженную пенсию ушел Роговский, Скрябнин – склочная и невоспитанная скотина, не иначе – всё время прибегал в самый неподходящий момент. Они никого не слушал, работал по-своему, жёстко. Ему не было дела до того, что слаженный и привыкший к одному ритму коллектив не обрадуется даже малому вмешательству в свою работу. Он непосредственный начальник, однако капля здравого смысла должна же присутствовать. Но надежды все напрасны. Благоразумие не предупреждало о своём появлении.

Когда на каталке везли в приёмное совсем ещё девчушку, плачущую от боли, следом забежал запыхавшийся смуглый мужчина в куртке на голое тело и затертых спортивных штанах. Он сбивчиво говорил на русском языке. Всё, что Тоня и санитары смогли выяснить у него – семья приехала недавно в страну и еще не получила документы. Дочь его молодой жены осталась в другой стране, а сам мужчина работал в несколько смен на стройке, чтобы как-то выжить на новом месте и попытаться обосноваться здесь.

Тоня осмотрела девчушку и поставила первичный диагноз: пиелонефрит. Оставалось лишь взять все анализы и назначить лечение.

Как обычно бывало в таких случаях, в приёмную прискакал Скрябнин. Он до дрожи напугал даже санитаров, а смуглая девчушка вжалась в кушетку и лишь сильнее заплакала.

– Нет полиса ОМС, нет вообще ничего. Как вы привезли это в мою больницу? – расплялся заведующий отделением, тряся бланком приёма перед лицами гневно настроенных санитаров.

Им и без того проблем хватает, а тут ещё заведующий кричит во всё горло. Он вёл себя так, словно ему нечем было заняться этой ночью, кроме как выводить из себя уставших врачей.

– С каких пор это ваша больница? – огрызнулась Тоня, зло посмотрев на заведующего. – Знаете, мне надоело! Если вам что-то не нравится, вы можете тащить свою задницу к Жабину. Он вам объяснит, чья эта больница и куда вы можете идти! Карту мы вам всем отделением нарисуем!

– Как ты смеешь?! – рыкнул он. – Здесь иностранцев не будет, я всё сказал, – он выставил указательный палец в предупреждающем жесте. – Если им так плохо, пусть валят туда, откуда припёрлись! Не хватало ещё гастарбайтеров лечить!

– Вы здесь не очень давно, видимо, до сих пор не знаете о правилах больницы, – врач оторвалась в очередной раз от работы, чтобы объяснить ситуацию мужчине. – Я медик, в отличие от вас, Андрей Васильевич. Вы пришли не в ту больницу и не на ту должность, чтобы указывать людям, как и кого лечить. Эдуард Силенович был великим человеком и великим

врачом, а вы всего лишь жалкий расист и нигилист до мозга костей, занимающий не по праву его место.

Завотделением открыл рот, чтобы высказаться, но Тоня не позволила ему сказать ни единого слова. Днём её выбесила Ольга, а сейчас вывел из себя тиран, считающий себя богом медицины.

– Если девушка из-за отказа врачей погибнет от осложнений, – продолжила Тоня, – вы первый отправитесь зарабатывать остеохондроз на железные нары. Я спасаю вашу тощую задницу, а заодно и эту бедняжку. Мне, в отличие от вашего циничного низжайшества, всё равно, какой у неё цвет кожи и национальность. Она человек – для меня этого достаточно.

Такой, как Скрябин, не допустит подобного обращения к себе. Он пройдёт огонь, воду и больничные подвалы, лишь бы восстановить свою гнилую репутацию и поставить обидчиков на место.

Но Тоне всё равно. Собственное наказание и возможное увольнение сейчас не сильно волновали её. Молодая черноволосая пациентка, плачущая от боли и зовущая на двух языках своего мужа, должна получить помощь.

– Молитесь, чтобы эта ночь не стала последней для вас на этой работе, – пригрозил Скрябин и, швырнув помятый бланк в ноги больной, развернулся и ушёл.

Тоня изрядно вымоталась за эту ночь. Она пришла домой в третьем часу утра, скинула с себя тяжёлую куртку, неуклюже разулась, стараясь не закрыть глаза и не упасть на пол, уснув в падении. Прошла в спальню, разделась и, даже не сходя в душ, просто рухнула оловянным солдатиком поперёк постели.

Наполовину придя в себя, Тоня пожелала будильнику утопиться. Потом взяла со стола гаджет и сдвинула значок, отключая горластого нарушителя спокойствия. Она перевернулась на спину, вздохнула и попыталась уснуть. Но все остатки дрёмы уже разогнал злоеущий телефонный горн. Не получилось погрузиться даже на секунду в приятное состояние утреннего сна.

– Надо подниматься, – зевнув, произнесла Тоня. Она села, потянулась и спустила ноги на пол.

Привычно заправив постель и разгладив все складочки и бугорки, она отправилась в ванную, а потом на кухню. Позавтракала, помыла посуду и принялась за уборку.

Тоня вычистила квартиру до блеска, особенно кропотливо она трудилась на лоджии, собирая кипу ненужных ей депрессивных рисунков в мусорный пакет. Сегодня пришло время избавиться от ненавистных картин, содержащих в себе всю боль, которая выплёскивалась в красных, коричневых и серых цветах на бумагу. Пора жить дальше и не заикливаться на прошлом.

Прошло два месяца с написания первой картины, наполненной болью и страхом будущей свободы, с которой не понятно, что делать. Лихой ноябрь давно оголил ветви деревьев, скрыв осенние краски предзимовым унынием, которое сменилось снежным покрывалом, блестящим на солнце. Несколько попыток потребовалось неуступчивой и наглой зиме, чтобы устелить землю хрупкими блестящими хлопьями.

Тоня выкинула пакет в мусоропровод и закончила уборку. Она оказалась тяжелее, чем можно было себе представить.

Но теперь можно отдохнуть.

Однако телефонный звонок, доносящийся из спальни, явно был иного мнения о планах на сегодняшний день. Звонила Галина, штатный невролог больницы.

– Да, Галчик, – Тоня тут же ответила, быстро добравшись до смартфона. Она села на край кровати и слушала напряжённый голос невролога. – Что там случилось? – спросила она, проведя по лбу рукой. – Да, сейчас буду. В течение часа в ординаторской. Кого еще вызвали? Ого! Считай, что уже там! – Она оборвала вызов, кинула гаджет на тумбочку и принялась одеваться.

Белый халат полностью лишает врачей гендерных различий. Ещё сам Роговский говорил: *«Женщина врачом быть не может, потому что врач половых признаков не имеет»*. Тоня, да и остальные девочки, будучи интернами у именитого доктора, часто обижались. Только спустя несколько лет все поняли, что имел в виду Эдуард Силенович. Он говорил о том, что не нужно делить обязанности на мужские и женские, потому что врачу по силам всё, даже вернуть пациента с того света. Те, кто делит себя на женщин и мужчин – не врачи, а бездари.

Антонина всецело отдавалась работе. Она всего лишь терапевт, а не хирург или онколог. Но она и этим гордилась, потому что от её профессионализма очень часто зависит жизнь больного. Консилиум – часть работы, которую Тоня любила. Если у неё есть малый шанс помочь больному, она прибудет хоть ночью. Сбор неофициальный, что означало реальное беспокойство врачей о пациенте.

Достав первое, что попало под руку – легинсы и длинный приталенный джемпер – Антонина оделась, покидала всё необходимое в сумку и побежала в коридор. Там обулась и, выйдя на площадку, застегнула куртку и повязала шарф.

Поздоровавшись с ворчливой соседкой, которая проводила её недобрый взглядом, врач влетела стрелой в лифт и нетерпеливо нажала на кнопку с номером один. Створки неторопливо сошлись и ставшее привычным тихое жужжание заполнило прежде бесшумную кабину.

Ноябрьские ветра несли с собой холод и мороз, несмотря на то, что зима по календарю должна наступить только через две недели. Но земля уже приняла на себя несколько сантиметров рыхлого пушистого снега, который спрятал жухлую листву и прочий мусор, который не успели смести.

Терапевт пронеслась до метро шустрой ланью, периодически поскальзываясь на зазеленелых участках тротуара, которые дети опрометчиво раскатали в порыве радости от наступившей зимы. Спустилась по ступеням и впорхнула в вагон, двери которого тут же за ней съехались.

В метро час пик. Блондинка терпела пассажиров, которые толкались и жались друг к другу. Дважды поток спешащих едва не вытолкнул Тоню на платформу.

Тоня наконец-то добралась до больницы. Пройдя через стоянку машин скорой помощи, она вытащила из сумки бэйджик с именем и прицепила на груди. Ворвалась в ординаторскую. Едва успела снять куртку и повесить на стойку.

***

Многочасовой консилиум, на котором обсуждался диагноз пациента со сложным заболеванием, закончился. Антонина, измотанная прежде всего морально, вышла из ординаторской и села на стул рядом со входом. Она тяжело выдохнула и обхватила голову руками, закрыв глаза. Всегда сложно работать в таком ключе: ещё не придя в себя после суточного дежурства, возвращаться в больницу – это ослабляет организм ещё сильнее.

– Нам надо поговорить, – голос Ольги прозвучал очень громко и неприятно. Но какой бы тон рыжая бестия ни задала своему голосу, он для Антонины останется мерзким и противным.

– Если ты опять задумала включить ту же пластинку, то лучше помолчи, – выдохнула устало Тоня, не поднимая взгляда на собеседницу.

– Ты развелась с ним. Сама его бросила, а теперь снова в кровать лезешь? – язвительно спросила Оля, толкнув в плечо блондинку. – Зачем он тебе нужен?

– Ты в своём уме? – подняв голову, устало прокомментировала Тоня. – Сходи к Гале, она тебе выпишет пару лекарств, чтобы избавиться от психоза. Видимо, нервы сдали.

– Он был у тебя, сам мне сказал! – всплеснула руками рыженькая, зло процедив. – Тебе что, неймётся? Всё спешишь обратно его заграбастать? Не получится. Он мой! – указав на себя пальцем, заявила она.

– Не имею ничего против этого, – безразлично ответила Антонина. – Я тебе два месяца назад сказала – забирай этот мусор и валите оба из моей жизни. Что из фразы «забирай этот

мусор» тебе было не понятно? Я бросила – ты подобрала, всё просто, как на лекции по химии. Будь добра, отстань от меня, Оля. Я Гришу не видела девять недель и видеть не хочу. Всё понятно? А если он от тебя гуляет, то явно не со мной.

– Ему я верю больше, чем тебе, – вспыхнула Ольга, стараясь уколоть бывшую подругу побольнее.

– Я ему тоже верила. И тебе, – заключила Антонина, снова опустив взгляд. – Вот только, как оказалось, верить проститутке и менту – всё равно что шить гвоздём.

Тоня встала со стула и обошла Ольгу, слабо обтёршись плечом о её плечо. Она даже не посмотрела на рыжую скандалистку. Лишь решила отплатить её той же монетой, не став задерживаться с репликой.

– Когда твоё недоразумение тебя бросит, я это отпраздную, – высказалась Тоня.

На душе стало гадко. Она пожалела о своих словах, но решила не извиняться, а просто проглотить все обиды, заставив себя улыбнуться. Получилось что-то вроде оскала.

Забрав из ординаторской свои вещи, Тоня собралась домой. Выходной она намеревалась провести в четырёх стенах, снова закрывшись от внешнего мира и общения. Жизнь постепенно налаживалась, но присутствие Ольги рядом, словно сторожевой бешеной собаки, напрягало очень сильно. Врач вышла тем же путём, которым пришла – через приёмную скорой помощи и стоянку машин со спецсигналами.

Тоня всё чаще поддавалась вредной привычке, которая подчиняла её себе. Каждый раз, как начинался и заканчивался разговор с ненавистной подругой, женщина закуривала сигарету. Привыкание к дыму в лёгких постепенно начинало возрастать. И сейчас Антонина снова достала из сумки пачку, вытащила сигарету и подожгла, глубоко затянувшись.

– Минздрав предупреждает: курение вредит здоровью, – услышала Тоня мужской тенор за спиной. Обернулась.

Её догонял высокий темноволосый мужчина в маленьких квадратных очках в тонкой, почти невидимой оправе. Он на ходу застегнул длинное пальто с поднятым воротом, а потом вытащил из кармана простенькую серую шапку и быстро надел, поправив несколько раз.

Мужчина кашлянул в кулак. На морозе его щёки моментально покраснелись. Если бы не двухдневная ухоженная щетина, можно было бы подумать, что это интерн.

Выглядел доктор солидно. Брюки со стрелками, начищенные до блеска ботинки. Он посмотрел на наручные часы, сдвинув рукав, и перехватил поудобнее мужской чёрный портфель.

Брюнет приблизился и добродушно улыбнулся.

– А Минздрав ничего не говорил про лживых друзей? – спросила грустно Тоня, вымученно улыбнувшись. – Про то, что они отрицательно действуют на психику, например...

– Ну, если я что-то узнаю, то сразу вам скажу, Антонина Михайловна, – подмигнул он. – Не против прогуляться? У тебя же выходной, если не ошибаюсь.

– Прости, Костя, но у меня нет настроения, – прикрылась она отговоркой, собираясь уйти.

– Отказ не принимается. Погода хорошая. Холодно, правда, но можно посидеть в кафе, перекусить. Ты голодна? Я угощаю, – улыбнулся он, настойчиво следуя рядом с ней.

Константин Засельский тоже был интерном у Роговского, когда учился в медицинском университете. Они с Тоней давно знали друг друга. И несмотря на то, что парень выбрал профессию акушера-гинеколога, коллеги периодически общались. Как-никак работали они в одной больнице.

– Только недолго, – вздохнула Тоня, зная, как трудно отшить Засельского, если он задумал «прогуляться».

Врачи юркнули в небольшое кафе, пешком преодолев несколько кварталов. Сначала они шли молча, а потом Антонину прорвало. Засельский всегда был хорошим собеседником, но только сейчас, рассказывая про всё пережитое, увидела, насколько хорошо друг её понимал.

Уютное маленькое помещение тут же окутало теплом и всяческими ароматами: кофе, выпечка, салаты, горячее. Шустрая полненькая официантка принимала заказы, черкая в блокноте ручкой; бегала по залу, разнося подносы с заказами. Большинство столов были пустыми – заведение не особо пользовалось популярностью.

– Двойной по объему эспрессо, стейк из говядины с рисом и салат «Глубина», пожалуйста, – заказал он, когда девушка в фартуке подошла к их столику. – А ты что будешь? Я плачу. Закажывай, – обратился вежливо к Тоне.

Та просмотрела меню. Долго выбирала, постоянно вздыхая. Официантка терпеливо ожидала заказа, натянуто улыбаясь. Константин постоянно обедал здесь, и много раз говорил про «Бриз» – небольшую забегаловку.

Однако Тоня была здесь всего несколько раз. За четыре года поменялся интерьер и меню стало намного удобнее.

– Латте, грудку с грибами и моцареллой и «Азию». стакан свежесжатого апельсинового сока принесите ещё, – проговорила она, определившись с выбором.

Девушка повторила заказы, чтобы убедиться в твёрдости выбора клиентов, и убежала на кухню.

Тоня огляделась. Действительно стало приятнее. Она смотрела на соотношение цветов, на дизайн, который радовал глаз, её всегда привлекали такие вещи. Успела оценить мебель и полы, стены с натюрмортами, глядя на которые приходил аппетит.

– Ты просто не бери в голову, Тонь. Она дура, которая решила, что на чужом несчастье можно что-то построить, – вдруг заговорил Костя.

– Что? – помотала головой она, возвращаясь в реальность. – Я благодарна тебе за обед, Кость, но дальше говорить об Оле не хочу.

– Я и сам разведён, так что прекрасно тебя понимаю, – сказал Засельский. – Брат по несчастью, так сказать.

– Я помню, ты говорил, – вздохнула Антонина. – Катя по-прежнему не подпускает тебя к Сонечке?

– Да. – друг кивнул, подумав о чём-то своём. – Она даже поговорить с ней не даёт. Сейчас ей семь лет, а она называет папой другого мужика. В каком-то смысле, тебе повезло больше.

– В том, что у нас с Гришей не было детей? – с долей гнева спросила Антонина. – Тоже мне, везение. Лучше бы были, – посетовала она раздражённо.

– Ты не подумай, я не хочу обидеть, – оправдался Костя. Он замолчал, не желая продолжать разговор в присутствии официантки, которая расставляла кофе и салаты на столик. Когда она ушла, он продолжил: – Просто ты не переживала бесконечные суды, мотания туда-сюда в попытке что-то изменить. Катя мне изменила с пятью мужиками, а ей ещё и ребёнка оставили. И всё бы срослось, если бы я не сглупил.

– Помнится, ты попал в аварию, – дополнила Антонина. Она тут же почувствовала голод при виде острого салата.

– Ещё и в нетрезвом виде, – отломив кусочек хлеба, пояснил Константин. – И, хотя виноват в ДТП был не я, судья-мужененавистница зацепилась за это, как клещ, и присудила Соню Катке. Даже апелляции не смогли ничем помочь. Решение не изменилось. А вы просто развелись с Гришей и всё. – Он снова задумался.

– Может быть, с ним поговорить?

– А что это даст? – процедил Засельский. – Будь я на его месте, я бы не перестал прикрывать свою беготню тобой. Наоборот, это дало бы мне повод ещё больше привлечь твоё внимание. Тем более, он полицейский. Он же наверняка знает, как действовать на нервы.

– Да, в этом он мастер, – вздохнула Антонина. Она отодвинула салатницу ровно в тот момент, когда появилась официантка с подносом, на котором стояло горячее.

– Не грусти, – Костя коснулся запястья Тони и улыбнулся. – Всё будет хорошо. Встретишь кого-нибудь, родите ребёнка, будете счастливы.

– Костя, мне тридцать два уже. Какой ребёнок? Да и кого я встречу? – усмехнулась она с досадой в голосе. – Тут бы до пенсии доработать спокойно. – Ирония была как никогда кстати.

– Надеюсь, ты пошутила, – сказал Константин, сощурившись. – Поверь моему ничтожному опыту: я видел женщин, которые рожали и в сорок, и в сорок пять. Так что всё впереди, Тонь.

– Ага... Но они же рожали не первого ребёнка. А я вообще не знаю, что это такое. Сам знаешь, ты же акушер-гинеколог, не мне тебе объяснять, – она. – А по поводу отношений... не думаю, что я после этого к чему-то готова.

– То есть меня ты не рассматриваешь в качестве своего партнёра, – сделал серьёзное лицо и гордо выпрямившись, произнёс Костя. – Я ещё ого-го. Даже, я бы сказал, ого-го-го! Правда у меня нет белого коня, да и корону где-то потерял, но вполне себе симпатичный мужчина, – посмеялся он.

Тоня поперхнулась кофе, кашлянув прямо в чашку. Молочная пенка слетела от резкого выдоха, опустившись на столешницу облачком. На кончике носа осталось небольшое количество взбитого молока.

– Обещаю, я не буду делать осмотр на кресле перед сексом. Я сразу прыгну в кровать. И свет выключу, – вновь начал говорить он, сдерживая смех.

Тоня засмеялась, поставив чашку на столик. Она прикрыла лицо ладонью и начала, еле сдерживаясь, хихикать. Со студенческих лет привыкла к особому юмору Засельского, а смешанный с больничным, он стал просто неповторим. Иногда это раздражало, но только не сейчас.

– Ну, а что? Как тебе такой вариант? – не останавливался Константин, широко улыбаясь.

– Странные у вас, акушеров, шуточки. Пошлые и несмешные, – посерьёзнев, прокомментировала Антонина. – Не делай так больше. – Она снова чуть не засмеялась. Сжала губы, чтобы они не растянулись в улыбке.

– Это просто была попытка тебя развеселить, – ухмыльнулся он. – Кстати, удавшаяся. И не надо мне говорить, что ты сейчас не смеялась. – Он немного помолчал, глядя на Тоню, которая безуспешно сдерживала смех. – Я всегда балдел от твоей улыбки. Она красивая... Ты красивая... – сказал он тихо.

– Спасибо, – улыбнулась Тоня и смущённо, опустила взгляд.

Карие глаза не прекращали изучать её.

– Нет... правда, ты очень красивая, – вновь сказал Костя. – Улыбайся почаще, тебе очень идёт, – заворожённо проговорил он. – У... у тебя что-то на носу. Пенка, наверное. – Он взял салфетку и, встав, аккуратно убрал белую субстанцию с кончика носа.

Тоня поначалу отстранилась, но потом взгляды встретились, и она замерла, смотря в чёрный омут, спрятанный за стеклом мужских очков.

– Пойдём? – сев обратно, спросил он с улыбкой. – Можем ещё прогуляться, если ты хочешь.

– Проводи меня до метро, – сказала Тоня. – Не выспалась вообще ни грамма. Будильник утром поднял, вчера забыла отключить. Столько всего навалилось, просто пришла и рухнула на кровать. Хорошо хоть не мимо неё, – затараторила она, вставая из-за стола.

Коллега попросил счёт, расплатился, оставив чаевые, и помог одеться. Друзья так и не доели горячее. Мясо осталось на тарелках наполовину распотрошённым. Но оба попробовали по паре кусочков, всё остальное время поглотила приятная беседа.

Когда Тоня развернулась, чтобы выйти, она наткнулась мужчину и посмотрела ему в глаза. Замерла. Его руки коснулись женских плеч, спрятанных под одеждой, а после он сде-

лал шаг в сторону, разворачиваясь и вставая рядом с Тоней. Костя прервал касание и приглашающе выставил локоть,

– Спасибо за приятный разговор. Ты очень помог. Надо нам почаще так разговаривать, – Антонина действительно была благодарна за хорошее настроение и за обед.

– Рад, что тебе понравилось, – произнёс он и открыл дверь.

Глава 7

Аэропорт в ночи был щедро украшен огнями. Светились все окна, ровными рядами создавая иллюзию натянутой гирлянды. Название воздушного порта, как и наименование терминала, светились алым, разгоняя подступающий ночной мрак.

Люди, прилетевшие вечерним рейсом, высыпали на улицу, кутаясь в куртки и пальто. Одни ловили такси, сноровисто подъезжающие ближе к зданию и нарушающие все правила движения, другие плелись к метро или к остановке. Они не слушали навязчивых таксистов, зовущих их сесть в машину. Содрать побольше денег с приезжих – главный смысл работы «бомбилы». С местными не пошутишь и их не обманешь, они знают короткую дорогу, а гостей столицы доставить, взяв втридорога – милое дело.

Ярослав Арский гордо вышагивал по утрамбованному снегу, везя за собой чемодан на колёсиках. Он сунул одну руку в карман, зубами сняв перчатку, выудил айфон и набрал несколько номеров. Всякий раз ответом становились длинные гудки и вызов обрывался.

– Что ж, вам же хуже, – сказал, ехидно сощурившись, Арский, сунув гаджет обратно в карман.

Он остановился, открыл задний отдел чемодана, проверил все документы ещё раз, а потом пошёл дальше. Вернувшись к началу зимы, он *ожидал* увидеть суетливую столицу во всём её однообразии и скукоте. Ничего не изменилось. Город был всё так же прекрасен своей рутинной и до отвратности стабильной. От этого Ярослав даже поморщился.

Высокий красавец с поразительно притягательными чертами лица поймал на себе взгляды пары красоток, идущих в здание. Он улыбнулся и кивнул, а девушки замерли от восхищения, хлопая ресницами. Кажется, они передумали улетать.

Ярослав не обратил на них больше никакого внимания. Они ему не интересны, как и другие, попадающиеся на пути фифочки и простушки, одаривающие его похотливыми взглядами.

Дьявольски красив – это высказывание подходило ему, как никому другому. Он действительно был неотразим. Взъерошенные чёрные как смоль волосы, прямые низко посаженные брови, ярко-зелёные глаза, гипнотизирующие свою жертву с первого взгляда, сочные жёстко очерченные пухлые губы, выделяющиеся алым на загорелом лице. Широкие плечи и гордая походка – от мужчины веяло страстью и похотью. Одежда дополняла образ покорителя сердец: борсалино*, дорогое пальто с невысоким воротом и боковыми пуговицами. Брюнет предпочитал одеваться стильно, но не вызывающе: строгость с нотками шалости.

Игнорируя голоса зазывал-таксистов, он отправился дальше, выйдя с территории аэропорта. Неспешно миновал перекрёсток, не обращая внимание на нетерпеливых водителей. Он шёл так, словно разрезал волны, которыми представал перед ними поток людей. Ни на кого не смотрел, ничего не говорил, просто вышагивал, глядя вперёд.

Перед тем как спуститься в метро, он быстро сложил ручку чемодана и приподнял его. Быстро сбежал по ступеням, снова ловя на себе взгляды красоток, идущих в одиночку или же в компании своих мужчин. Для женщин он был неуловимым и желанным... призраком, который скрывался из виду в считанные минуты. Красотки постоянно оборачивались, провожая взглядом статного брюнета.

Тонкие нотки мужского одеколona приковали внимание рыженькой красавицы. Она смотрела на Ярослава не отрываясь, а он... не оказывал ей знаки внимания, словно не замечал её. Лишь продолжал смотреть вперёд, мельком контролируя то, что находилось сбоку. Только девушка собралась завести беседу – подалась вперёд, притягиваемая его магнетизмом, он вышел на станции.

Она ему не интересна. Она ему не нужна.

Он не сделал ни единого движения, не послал даже короткого взгляда, а она уже мысленно разделась, запрыгнула на него и умерла в объятиях. Сердце бешено забилося, мысли перестали течь потоком в разуме, мир превратился в пустоту, смыслом жизни на мгновение стал он... таинственный незнакомец с красотой павшего ангела, от которого веет сексом. Так Арский себе представлял.

Пройдя квартал до клуба, мужчина открыл дверь и вошёл. Тут же ему преградил путь молодой охранник, выставив руку в останавливающем жесте.

– Мы закрыты, – пробасил он сухо.

– Спешу поинтересоваться, что ты здесь забыл? – бесчувственно произнёс Ярослав, поведя бровью. – Мне кажется, ты уволен, – оповестил он и, пользуясь недоумением молодого секьюрити, попытался пройти в лобби.

– Ты кто такой? – грозно спросил парень, по-прежнему не двигаясь с места.

– Твой работодатель. Бывший. – Арский обошёл охранника и двинулся дальше.

К ошарашенному паренюк тут же подошёл второй охранник, более крепкий в плечах и высокий. Он оглядел с ног до головы коллегу и покачал головой, вздохнув.

– Андрюха, не твой сегодня день, – проговорил он. – Встретиться владельцем и не узнать... Чем ты думал? Начальство нужно знать в лицо.

– Я здесь работаю полгода и ни разу не видел его, – печально сказал парень, обернувшись. Он попытался найти мужчину в короткополой шляпе, но лишь обежал взглядом тёмный коридор, освещаемый неоновыми лампами.

– Больше не увидишь, – прокомментировал широкоплечий короткостриженный бугай, похлопав друга по плечу. – с Ярославом Марковичем шутки плохи. Не повезло тебе, Андрюха, – подытожил он.

Ярослав Арский тем временем прошёл в пустой танцевальный зал.

Он остановился и огляделся. Увиденное ему не понравилось. Элитный ночной клуб за год превратился в дешёвую забегаловку для пьянки и посиделок у барной стойки. Никого нет. Суровым взглядом окинув пустующее место бармена, высокие стулья, больше напоминающие вздутые пробки от дешевого вина, полы, истёртые ботинками и исцарапанные каблуками, беспорядочно движущиеся лазеры и простенькую зеркальную отделку, он цокнул языком и направился дальше. Поднявшись по немногочисленным ступеням на второй этаж, резко отодвинул ширму и открыл спрятанную за ней дверь, ведущую в светлый коридор.

Ему не терпелось придушить своего управляющего. Ярослав уже представлял, как крепкий кулак разбивает лицо в кровь, а потом пальцы сжимаются на шее, перекрывая приток воздуха. *«Только этот debil способен превратить рай в помойку»*, – негодовал он, ускоряя шаг.

Вошёл в кабинет, снял верхнюю одежду и повесил на плечики в маленький шкаф. Выкинул оттуда вещи управляющего прямо на пол, пихнув ногой к двери. Тут же взял с полка пару папок и, уместившись в кожаном кресле с высокой спиной, крутнулся в нём к окну и принялся изучать документы.

Спустя пару минут дверь открылась. Арский повернулся. На пороге замер молодой человек в синем пуловере и джинсах. Он опустил взгляд вниз, посмотрел на валяющуюся одежду и личные вещи, собрал их и положил на маленький кожаный диванчик в углу.

– Тебе повезло, что есть уголовный кодекс. – Голос из кресла прозвучал подобно приговору. Он был абсолютно бесчувственным, что уже навело мысли о скорейшей кончине. – Иначе бы я тебя расчленил, Юра. – Кресло бесшумно повернулось.

Ярослав гордо восседал на хозяйском месте и взглядом хищника изучал свою жертву. Он положил папку на стол, не сводя глаз с управляющего, потом отдёргнул манжеты белой рубашки, ослабил галстук, сложил руки на жилете свободного кроя и закинул ногу на ногу. Палач во всей красе.

Юрий нервно сглотнул, оттянув ворот пуловера и машинально подавшись назад. У него был выбор: сигануть в окно, застрелиться или начать объяснять всё с самого начала, пока его не уволили или не использовали остаток дней в качестве коврика для вытирания ног.

– Знаешь, я не люблю, когда меня обманывают, – продолжил всё так же бесчувственно Арский. – Я улетал в длительный отпуск не для того, чтобы быть *цензура* своим управляющим. Но когда я прикинул примерную выручку в уме, глядя на количество нулей на счету, знаешь, что я подумал?

Юра нервно помотал головой из стороны в сторону.

– Управляющий продолжительное время *цензура* из моего кармана, – закончил он.

– Ярослав Маркович, я могу... – начал управляющий сбивчиво, видимо, надеясь, что не придётся всё-таки прыгать из окна и стреляться.

– Я слышу слишком много слов, – бесстрастный голос Арского не обещал ничего хорошего. – Всё, что ты скажешь, никак не повлияет на твой статус безработного.

– Ярослав М-м-м-маркович, я отработ-ботаю, – заикаясь, проговорил Юрий. – Два месяца без зарплаты, три... Только не ув-в-в-вольняйте.

– Полгода, – поставил ультиматум Ярослав. – Пошёл вон.

Управляющий стрелой вылетел из кабинета, а потом, крадучись, вернулся, тут же попав под пристальный взгляд владельца. Он забрал свои вещи и мигом удалился, чтобы не вызывать ещё больший гнев Арского.

Ярослав вздохнул и положил руки на подлокотники. Напуская жестокость шла на пользу: все его боялись. Однако он вжился в роль настолько сильно, что без неё уже не мог. Арский пошел на серьезный риск, открывая ночной клуб шесть лет назад. Он был ещё зелёным прыщавым простачком, когда начал разбираться в системе бизнеса и управления. Тут же смекнул, что без «крыши» не обойтись. Этот город прогнил до основания, и если не договориться с крысами, то они сожрут нарушителя спокойствия на обед.

С тех пор прошло много времени. Ярославу казалось, что минула целая вечность. До момента отъезда всё было хорошо: «Жажда» принимала в свои туманные объятия желающих развлечься и оставить крупную сумму денег в кассе. Девочки, танцы, алкоголь – это визитная карточка клуба. Каждый хотел попробовать саму похоть на вкус. Золотая молодёжь сбивалась в стайки и выкладывала целые состояния, засовывая в трусики к стриптизершам пачки банкнот. Выручка была огромной, реки её текли в руки владельца, который с самого начала вцепился мертвой хваткой в свой бизнес и вытащил его на свет луны, которая открывала взору место, где сбывалось самое сокровенное желание клиентов: утоление жажды похоти.

Ярослав играл на слабостях людей. Клуб заманивал всех, кто так или иначе хотел оторваться и почувствовать себя жителем Содомы и Гоморры. Для такого, как Ярослав, люди – это скот, которому лучше там, где трава зеленее. И он давал им всё, что они хотели. Полуголых девок, кончающих в танце на шесте, полные стаканы элитного алкоголя, табак, еду, сдобренную ядом из специй, амбиций и желаний. Музыка, затуманивающая сознание и заставляющая сердце биться в такт ритмичным басам.

А теперь предстоит начинать всё с нуля.

К тому же, за «крышу» надо чем-то платить...

Глава 8

Ярослав шустро сбежал вниз по лестнице и спустился в танцевальный холл. Снова осмотрелся и брезгливо поморщился от увиденного. Не для того он уезжал, чтобы его детище, которое он своими руками воздвиг буквально ни на чём, так испоганили. Столько сил и средств было вложено в клуб! И теперь тут лишь руины, оставшиеся от былой «Жажды», которая сводила с ума даже подкаблучников. Пристанище для забулдыг и студентов – вот как можно описать подобное заведение, но никак не элитный стриптиз-клуб, заманивающий в свои дьявольские сети всех без исключения.

До открытия оставалось всего несколько часов. Ярослав подумал о том, что стоило срочно вызвать спецтехнику и всё разнести к чертям, уничтожив самое важное дело всей жизни. Но, оценив будущие проблемы, он сдержался. Вздохнул, закрыв глаза и попытался успокоиться. Однако вид танцевального холла удручал несказанно.

– Что, крысы тыловые, не ждали папочку? – Арский одёрнул бордовый жилет, поправил манжеты с простыми треугольными запонками, затянул потуже галстук и бесчувственно продолжил: – Отпуск кончился, господа. Ты, ты, ты и ты, – он тут же указал на бармена, двух официантов и одного охранника, который на что-то надеялся. – На ярмарке вакансий вас заждались. Свободны.

Хотелось кричать, рвать волосы на голове и ещё где-нибудь, впасть в истерику, разбить тут всё основательно. Но только не сохранять железное спокойствие, что сейчас и делал Ярослав. Однако показывать себя истеричным владельцем он явно не собирался. Не для того создавал образ тирана, для которого свернуть шею – привычное дело, как прогулка для спортсмена, чтобы сейчас всё разрушить.

Когда уволенные сотрудники, взглядом убив, спалив и развеяв пепел управляющего, спешно покинули здание, Арский продолжил столь же бесчувственно общаться с теми, кому невероятно повезло остаться на работе. Пока что.

– Золотко, – обращение к официантке, которая вот-вот свернёт поднос в трубочку, было не таким чёрствым. Голос изменился. Он стал томным и вызывающе прекрасным. – Почему ты скрываешь свои прелести под таким количеством ткани? Я открыл ночной клуб, а не монастырь, в конце концов, – заискивающе прокомментировал Ярослав, царственно выпрямившись. – У тебя, моя девочка, мощный авторитет спереди, сила убеждения сзади, а соединяет эти две половины ровная дорога к сладкому аду. Так что будь добра, расстегни несколько пуговиц, найди юбочку покороче и заставь сегодня всех пускать слюнки. Касается всех девушек. Выполнять, – игриво приказал он, сделав быстрый и точный взмах рукой в сторону боковой двери.

Четыре официантки дружно ретировались выполнять просьбу.

Арский не привык говорить долго. Но сегодня он нарушил собственное правило, ознакомив персонал с планами на сегодня. От осознания того, что придётся фильтровать контингент всю ночь и смотреть в их однотипные нетрезвые рожи, Ярослав поморщился. Но не сдался. Сегодня он понаблюдает за тем, как выполняются его указания, даже если это вгонит его в депрессию.

Распустив коллектив, который превратил под чутким руководством управляющего «Жажду» – замечательный клуб – во второсортную забегаловку, мужчина решил устроить предварительный просмотр стриптизёрш. Уверенность в том, что и они скатились до уровня обычных придорожных проституток, только усилилась после разговора.

Чтобы хоть как-то сгладить едкое послевкусие позора, который продемонстрируют красотки в откровенном полупрозрачном кружевном белье, Ярослав налил себе красного вина.

Первый бокал он осушил залпом, запивая горе, ко второму не притронулся, решив опустошить его после просмотра утренника в дурдоме.

Желание выпить в хлам пришло тут же, как только официантка начала с ним откровенно заигрывать. Никогда Ярослав не ценил женщин, которые опускались до такого. Преклоняться перед мужчиной, открываясь ему ещё до телесного контакта и интимной близости – мерзко. Посмотрев на бокал с вином, парень облизнул губы и досадно выдохнул.

Он не мог не прокомментировать увиденное.

– Ты ведешь себя, как портовая шлюха, – он подошёл к брюнетке неспешно, зная, что она уже млела от его вида. – Так легко и открыто флиртуешь, смотришь на меня, осталось только запрыгнуть и поиграть в рабыню и императора, – едко прокомментировал он, приблизившись вплотную. – Ты официантка, более того, женщина, а не ночная бабочка.

– Но вы же говорили... – только и смогла шепотом возразить красотка, загипнотизированная взглядом владельца клуба.

– Я говорил, что ты должна заставлять мужчин пускать слюни, иметь тебя взглядом, а не вынуждать лапать за все выступающие части. Это разные вещи. – Он взмахнул рукой, и вспотевшая официантка медленно удалилась.

От парня веяло страстью. Он девушку даже не коснулся, но глазами уже раздел и поимел. Официантка могла бы поклясться, что чувствовала, как руки хозяйничали спереди. А потом, задержавшись на непокорной пуговице, просто смяли ткань и разорвали, раскинув в стороны. Ладони сжали грудь и двинулись дальше, вмиг оказавшись на спине. Короткое движение опытных пальцев – и вот лиф растёгнут. Брюки словно растаяли, как и кружевные трусики. От жара внизу подкосились ноги, и официантка чуть не упала, когда поднималась по ступенькам. Брюнетка не понимала, что с ней происходит – Арский был так притягателен, что одного его взгляда, даже мимолётного, хватало, чтобы сказать себе «я его сожрала бы».

Сев на барный стул и отпив немного из бокала, Ярослав принялся наблюдать за откровенным и вызывающим танцем стриптизёрш, которые выкладывались на полную. Чем больше он смотрел на представление, тем сильнее становилось желание запустить бокалом в каждую из девушек. Одноразовые куклы, годные только для того, чтобы их отыметь прямо на столе, формировали отвращение. Ярослав обожал страсть в движениях, интригу во взгляде, а не раздвигание ног и ласкание себя в дополнение к верчению на пилоне.

Мнение, что каждая из девушек уникальна, сформировалось давно. Оно шло дополнение к другому факту: чем вызывающе ведёт себя женщина, тем она менее походит на представительницу прекрасного пола. Она похожа на дикарку, ничтожество, вещь, но никак ни на женщину.

Такой оказалась чуткая и миловидная француженка, с которой Арский познакомился в Париже. Он провёл с ней чуть меньше года, оценив умение владеть языком наравне с умением подавать себя в обществе. Однако раскусив твёрдый орешек, Ярослав понял, что она тщательно скрывала свою ничтожную суть. Билет домой и записка колкого содержания стали итогом длительного и головокружительного романа.

Ярослав выставил руки вперёд и перекрестил их, тем самым попросив остановить музыку.

– Как давно ты была у врача? – поинтересовался он у шатенки на высоких каблуках. – Ты танцевала, а мне казалось, что ты чего-то нанюхалась и у тебя случился приступ эпилепсии. – Арский спрыгнул с высокого стула и медленно пошёл к сцене с пилонами. – Это просто отвратительно! Вы ведёте себя как дешёвки. Дёргаетесь в конвульсиях, после чего у вас труссы лопаются на заднице. Такое не то что не возбудит – это делает всех клиентов пожизненно не способными на секс. Мне нужна страсть. А вы мне даёте пошлость! Всего лишь рядовые танцурьки у костра в брачный период!

Походкой хищника он сократил расстояние до сцены, тут же заскочил на неё приблизился к рыженькой очаровашке, которая замерла возле своего инструмента. Ярослав медленно обошёл её по кругу. Он оценил притягательную грудь, плоский живот с пирсингом, прекрасные округлые ягодицы. А ноги... они были просто бесконечно прекрасны!

Длинные пальцы трепетно коснулись обнажённого плеча девушки, вызвав тут же волну предательских мурашек. Стриптизёрша прикусила губу и закрыла глаза, чтобы справиться с непомерным желанием, которое растекалось по венам. Пальцы прошли по спине до другого плеча, потом скользнули по ключице и в ключичную ямку, поднялись по шее до подбородка и слабо сжались на нём. Арский приподнял милое личико красотки и заставил её посмотреть на себя.

– У тебя слишком откровенное бельё, золотко, – томно прошептал он, подавшись вперёд. Его губы едва не коснулись губ прелестницы, отчего она машинально захотела приблизиться, чтобы ощутить до дрожи приятный поцелуй с дьяволом. – Ты женщина, а не шлюха. Покажи это мне. Ты – объект вожделения, а не причина мастурбировать в туалете. Нужно вызвать желание, чтобы сердце из груди выпрыгнуло. Все должны хотеть тебя – и мужчины, и женщины. У них должно всё дымиться не только между ног, но и в голове. Ты жрица, тебя нельзя касаться. Ты богиня, тебе нельзя не молиться. – Он отступил на шаг и скользнул большим пальцем по губам рыженькой, словно стёр собственное дыхание, так опрометчиво оставленное.

Арский обошёл девушку и остановился у неё за спиной. Он наклонился к её уху и томно прошептал, обжигая дыханием кожу:

– Я знаю, что находится под твоим нижним прозрачным бельём. А они... этого... видеть... не должны. Они должны представлять... – И ушёл.

***

Открытие клуба оказалось скучным для Ярослава. Он с болью наблюдал, как заваливались в здание люди, которым не место здесь.

Первый час Арский просто смотрел и оценивал, что происходит в его заведении. Он внимательно изучал пришедших, которые явились за выпивкой, танцами и разговорами.

Решив полностью погрузиться в атмосферу, Ярослав снял жилет и нацепил фартук бармена, закатав рукава рубашки. Он хотел лично поучаствовать в этом ужасе, чтобы лучше понимать, что именно делать с клубом.

Совершить единственную ошибку и сильно об этом пожалеть... Никогда Ярослав ни о чём не сожалел так сильно, как о своём отъезде. Приказав себе не падать духом, он разливал выпивку по шотам и бокалам, с некоторыми посетителями общался лично. Они изливали ему душу под градусом, тут же причисляя бармена к лучшим друзьям на сегодняшний вечер и на всю оставшуюся жизнь.

Ярослав никогда не гнушался работы. У него не было болезненных амбиций, как у многих руководителей, – лишь цель. Препятствия делали сильных хитрее, а слабых – ничтожнее, и с этой мыслью Арский провёл в заведении несколько часов, неизвестно где находя терпение видеть всё то, что явилось последствием его ошибки. Доверился своему управляющему. Зря. Лучше бы он никуда не уезжал.

Он злился на себя, потому что прогадал. Мысли спутались в один клубок, в груди засел страх, и Ярослав не выдержал. Он снял фартук, оделся и вышел из здания через чёрный ход. Невыносимо. Больно. Досадно.

Ему необходимо проветриться, чтобы привести мысли и чувства в порядок. Нельзя сдаваться. Зачем он столько времени шёл ко всему этому, зачем налаживал связи и строил планы, если готов сейчас всё бросить и лечь на рельсы?

Сначала нужно выспаться. Утром придут в голову новые идеи, которые непременно будут записаны в блокнот, а потом реализованы. Сейчас же не нужно ни о чём думать, ничего делать, просто закрыть глаза и уснуть.

Мужчина неспешно шёл по улице. Старые здания даже в ночи привлекали своим видом ночных гуляк и спешащих выбраться из гостиниц гостей столицы. Маленький тротуар с кривыми бордюриками, несколько закрытых бутиков и одна кафешка – всё это знакомо Ярославу до невероятного отвращения. Он открыл для себя немало секретов, которые так стремился скрыть город, узнал людей, спешащих уничтожить друг друга неосторожными или намеренными действиями, увидел разноплановую столицу в ином цвете, который бы разбавлен скукой и бесконечной рутинной.

Каждый мог найти что-то хорошее в этом городе, но только не Арский. Он перестал верить в чудо. Для него размылись границы добра и зла ещё в далёком детстве. Всё стало серым и ненужным, ненавистным и достойным полного стирания.

Стремление выбраться из ямы, которая была уготована ему слишком давно, чтобы это понимать, преобладало всегда. Вечно бежать от самого себя, стремясь перекрыть наследие, оставленное намеренно в крови. И сейчас, как только появилось что-то хорошее и засиял на горизонте успех, – снова провал в ту самую яму, сводящую с ума своей серостью.

Арский практически не обращал внимания на немногочисленных прохожих и ночных гуляк. Он просто шёл, засунув руки в карманы. Обстоятельства придавливали его, заставляли сгорбиться, однако плечи были, как и прежде, гордо расправлены, а походка – уверенная.

Когда сознание немного прояснилось и горечь поражения была раздавлена стойкостью и амбициями, Ярослав начал искать телефон, рыская по карманам брюк и жилета. Оставалось надеяться, что он всё-таки взял его с собой, однако все чаяния развеялись. Обнаружились только с десяток двухтысячных купюр в подкладке пальто. *«После-е-е-едние грибы встали на дыбы... И как я мог оставить айфон на столе?»* – вздохнул он. Похоже, ему не удастся вызвать нормальное такси.

Недалеко от перекрёстка остановилось несколько машин с небрежно косящимися шашечками: потрёпанные временем и дорогами Жигули и скромная Лада с грязными номерами. Ярослав закатил глаза от недовольства и пошёл дальше. Он решил заскочить к другу, чтобы забрать свою машину, которую оставил на время отъезда вместе с ключами. Плевать, что этот спекулянт спит, словно убитый! Он сам виноват, что не ответил вовремя на звонок.

Сокращая путь дворами, Арский быстро пересёк несколько улиц и сквер. Оставалось совсем немного до цели, как вдруг женский писклявый голос ознаменовал начало серьёзных проблем.

– Молодой человек, не угостите девушку сигареткой?

Арский обернулся, смерив собеседницу взглядом. Желваки на лице нервно задвигались, он осмотрелся по сторонам, ожидая какого-то подвоха. Нечасто выпадал шанс предвидеть итоги таких встреч в тёмном переулке рядом с тупиком, но сейчас сомнений не осталось – опасность где-то рядом.

Перед ним стояла девушка «не первой свежести». Похожая на провинциалку дамочка в коротком полушубке, белой блузке и чёрной кожаной мини-юбке. Колготки в мелкую сеточку с мелькающим рисунком, высокие сапоги на тонком каблуке. Небрежно забранные в хвост волосы, неподобающее поведение и вычурность в одежде вызвали отвращение. Арский словно окунулся в прошлое, которое так стремился забыть. Ночная бабочка, разгуливающая по улице, ни у кого бы не вызвала такого чувства ненависти, но Арский имел к подобному образу жизни едва ли не прямое отношение, а потому он поспешил уйти.

– Не курю и тебе не советую, – бросил он брезгливо, стараясь держать себя в руках и ускорять шаг. Предчувствие гнало его прочь из плохо освещаемого переулочка на людную улицу, где шумная компания вовсю кричала и что-то периодически напевала.

Блонди последовала за ним, ковыляя как подстреленный кузнечик в неудобной обуви по дороге, покрытой заледенелой корочкой, скудно присыпанной песком.

Он слышал её шаги, надоедливый скрип снега и даже дыхание улавливалось в тишине. Мороз крепчал, хотя ещё ноябрь.

Настойчивость девушки поражала не меньше, чем капризная погода. Но Ярослав уходил. Не хотел оборачиваться, чтобы не сорваться и не вскрыть старые шрамы. Легче не станет, если он ударит девушку, если спроецирует на неё образ ненавистной ему женщины. Боль, прошедшая сквозь время, не притупится, если принять меры и показать самому себе, что, только опустившись на уровень ничтожества, можно кулаками что-то изменить.

– Тебе жалко, что ли, сигарет? Эй, ты, мажор несчастный! Я с тобой говорю, петух ряженный! – выкрикнула девушка озлобленно.

«Тебе не понятно? Я сказала, что ты будешь делать то, что я скажу, ублюдок несчастный!» – прозвучал над ухом голос умершей женщины. Это остановило Арского. Её нет уже двенадцать лет, но она всегда живёт в его разуме. И вечно бесит.

– Иди домой, – он развернулся и прорычал, посмотрев исподлобья. – Вызови себе такси, в конце концов. – Оставались мгновения до того момента, как пальцы сожмутся в крепкий кулак и ярость выплеснется в удар.

– Слышь ты, ряженный, – темнота выпустила из себя ещё одного демона прошлого. Он был не один, а с четырьмя друзьями, но взгляд был прикован только к лысому бугаю в кожаной тёплой куртке и грязных штанах. В руках бейсбольная бита. Остальные вооружены двумя травматами, ножом и кастетом. – Тебя девушка вежливо попросила угостить её сигареткой, – хрипло заявил главный, переложив битку на плечо и задрав подбородок. – Ты как с женщиной разговариваешь, урод? – Он зло сплюнул и ухмыльнулся, предвкушая хорошую добычу.

«Тебя мать вежливо попросила, заморыши, купить гондонов. В глаза мне смотри, урод!» – Новые призраки прошлого атаковали брюнета, который стоял, гордо расправив плечи и встречая опасность смело и стойко.

Ярослав дёрнул головой, словно почувствовал касание обожжённых пальцев на своём подбородке. Это ощущение никогда не пройдёт, хотя минуло больше двадцати лет. Как же быстро бежит время! Но оно не способно стереть воспоминания. Не способно заставить забыть каждое касание, каждый удар, пинок, плевок и последующее лечение. И жажду мести, жажду смерти, жажду власти над издевателем.

– Пошел ты. – Ярослав ответил то же, что и тогда.

Почему сейчас? Арский столько раз попадал в такие передраги, утопал в собственной крови, плевался ею несколько дней кряду. Почему спустя двадцать один год, три месяца и семнадцать дней старые раны вновь дали о себе знать?

Да, он считал каждый миг с того злополучного вечера.

Ярослав развернулся и продолжил путь, поглощённый собственными мыслями.

Удар по спине. Крик остался внутри.

– Слышь, мразь, мы не закончили! – Гортанный возглас и новый удар, кулаком в шею. – Повтори, что ты сказал, петушара!

«Ты меня слышишь, мразь? Или мне тебе ноги вырвать, чтобы уши прочистить?» – вопрос, на который не было ответа как тогда, так и сейчас.

Слабость вернулась. Страх последовал за ним. Но Ярослав их отогнал. Время не стёрло прошлое, но оно заставило измениться и поумнеть. Уроки самообороны быстро всплыли в памяти, улица звала навязчивым шёпотом, приказывала подняться и держать удар.

Замах битой. Ярослав встал, преодолевая боль, выставил руку вперёд, заломил кисть нападавшего, отнял битку и сделал хлёсткий замах. Зубы главаря полетели в разные стороны, остальные парни накиннулись гурьбой. Одного Ярослав уложил той же битой, но пара выстрелов в плечо и живот из травматического пистолета сбили спесь. Снова боль. Она делала сильнее.

Он поднимается. Бросает взгляд на девушку, которая хоть и испытывает страх, однако не прекращает смотреть на разборки.

Так *она* смотрела... замерев в дверях пьяная и покачивающаяся. Как и эту дамочку, ту женщину не волновало состояние Ярослава. Она скоро должна была принимать клиентов в загаженной однушке. Это было так давно... а кажется, что происходило сейчас.

Два удара ножом выгоняют стоны из груди, тёплая жидкость пропитывает ткань рубашки и жилета. Воздуха не хватает, чтобы дышать, внутри разливается кипяток и кровавые круги плывут перед глазами.

Ярослав падает на колени, держась за живот. Звуки сирен дают надежду и заставляют нападавших убежать. А сознание медленно проваливается в пустоту.

Рано.

Слишком рано.

– Не дождёшься, – прошептал кому-то Ярослав и завалился на бок, замутнённым взглядом наблюдая, как приближается свет фат и проблесковые маячки.

Глава 9

– Мам, ну сколько можно! – воскликнула Тоня в трубку. Она закрыла глаза и приложила ладонь ко лбу.

Утро начинается не с кофе. Давно не с него, а с нотаций матери, которая с чего-то решила, что она в праве учить свою дочь, переставшей быть ребенком лет так в шестнадцать.

– Это моя жизнь и мне решать, что с ней делать, так что оставь свои речи для соседок, которым нечем заняться в зимний вечерок! – гаркнула она.

Настроение быстро портилось. Начинаясь разговор мило и добросердечно, но вскоре перешёл всяческие нормы и границы и теперь напоминал пытки по телефону.

– Да мне плевать на твою интуицию. Развелись и развелись, тебе какое дело? Не лезь, я тебя прошу, хоть в это. Занимайся своим делом. Ты на пенсии, у тебя море свободного времени. Посмотри дешёвые сериальчики, повяжи, сходи на массаж в конце-то концов! Что ты ко мне пристала?! – Тоня выходила из себя.

Тема развода по сей день была болезненной, несмотря на прошедшее время. Чувства притуплялись постепенно. Только Ольга не отставала, постоянно норовя устроить скандал на пустом месте.

А теперь мать со своим даром предвидения лезла в чужие дела, забыв про то, что отдала всю себя чужим детям, забыв про собственную дочь.

– Как твоё бедро? – Тоня попыталась перевести разговор в другое русло, но это только больше разозлило мать. – Нет, мама, касается. Точно нормально? Ты ходишь на массаж? У тебя сложный перелом, ты должна восстановиться, я тебе не зря абонемент купила... У тебя все идиоты, одна ты у нас пресвятая учитель-наставник, хлоп твою мать! – Она всплеснула рукой и хлопнула себя по бедру. – Заслуженный пенсионер прям! Медаль дать надо! Шоколадную! Вот только не нужно мне ультиматумы ставить, пожалуйста, ты сама меня раздраконила, а теперь говоришь, что я на тебя ору, – процедила Антонина. Она постаралась успокоиться, но слова матери окончательно вывели её из себя.

– То есть ты всю жизнь прожила одна, бросила отца, запрещала ему видаться со мной до восемнадцати лет, относилась к чужим детям лучше, чем к своему ребёнку, превратилась в настоящую фурию со своей школой, а теперь смеешь мне заявлять, что я дура, потому что развелась с Гришей? Ты себя хотя бы слышишь? Иногда мне кажется, что стоит показать тебя психиатру! Давно пора, кстати! Я не ору! – Тоня взбесилась. Ей захотелось швырнуть телефон в стену. Да так, чтоб он разлетелся на микроскопические частицы и вообще перестать существовать.

– Вот так, значит... – Когда мать назвала её позором семьи, потому что та не способна подарить ей внука, Тоня замолчала, раздосадовано выдохнув. – Не зря говорят: учитель – это диагноз. Тебе лечиться надо, это я тебе как врач говорю. Пока. Мне на работу пора.

Вот таким оказалось поздравление с днём рождения. Оно получилось очень ярким в виде букета из взаимных обид и претензий. Мать попросту довела Антонину до ручки. Она очень часто это делала, нисколько не стесняясь. Появилось желание сменить номер мобильного, чтобы больше не слышать эту женщину. Но быстро осадив себя, Тоня сдержала злобу и просто выдохнула.

– Как там учила Валерия Павловна? – вспомнила она психотерапевта, на редкость спокойную женщину, чересчур медлительную, но крайне позитивную благодаря своим шуточкам. – Ф-ф-ф-ф-ф-фунтик... – Она напряглась, сжав пальцы в кулаки и сильно зажмурившись, и выдохнула, быстро расслабившись.

Вспомнив, с каким артистизмом делала это психотерапевт, и, представив, как её собственное лицо стало похоже на сморщенную старушечью мордашку, Тоня хихикнула. Метод

действительно помогал вызвать улыбку и отбросить проблемы на время. Она решила извиниться перед матерью вечером, когда они обе придут в себя и немного остынут. Тогда будет легче вести разговор.

А сейчас нужно ехать на работу.

Метро уже в эти часы было чересчур людно. С трудом протиснувшись на платформу из заполненного вагона, Антонина вышла на улицу по переходу и заскочила в магазин, чтобы купить себе пару питьевых йогуртов и минеральную воду. Мать позвонила рано, и Тоня не успела позавтракать.

Она вошла в здание больницы привычно, через приёмную. Быстро переоделась в ординаторской и собиралась выходить, чтобы приступить к своим обязанностям. Распахнула дверь и тут же столкнулась с Костей.

– Ой, прости, я тебя чуть не сбила, – виновато произнесла она, потупив взгляд. – Что-то ты задержался сегодня, – она посмотрела на наручные маленькие часы.

– Хотел тебя застать, пока ты не ускакала в терапию, – улыбнулся добродушно он. Мужчина снял шапку и, расстегнув пальто, достал из кармана брюк маленький презент в коробочке и протянул Тоне. – С днём рождения. Удачи и счастья тебе.

– Спасибо... – Тоня робко приняла подарок. – Не стоило тратиться, я всё равно не отмечая. День рождения – грустный праздник.

– А вот это уже лишнее. Отставить негатив, – серьёзно произнёс Засельский. – После смены я тебя жду, прогуляемся.

– Не нужно, Кость, – Антонина сунула маленькую коробочку в карман халата. Она не хотела лишнего внимания, настроение и так было на нуле, а коллега только больше его нагнетал. – Я сегодня не настроена на прогулки. После смены отправлюсь домой, последние дни выдались тяжёлыми, – вздохнула она.

Попытка отвязаться от парня провалилась. Он не собирался отступать от своей цели.

– Так, Антонина Михайловна... – начал он недовольно. – Все отговорки я считаю недействительными. Ты забыла с этой работой, что такое развлечение. У тебя праздник, и его нужно отмечать с размахом. Водка, девочки... о-о-ой. Прости. Это был мой день рождения. Коктейли, шутки, танцы – вот, – исправился он, широко улыбнувшись.

Тоня засмеялась, приложив пальцы к губам. Она подняла на Костю взгляд и улыбнулась.

И как ему удаётся поднять настроение, когда всё вокруг серое и безжизненное? Как бы грустно ни было, появляется статный акушер-гинеколог, и на лице сияет улыбка.

– Рада поболтать, но надо работать, – Тоня кивнула на настенные часы и быстро ушла. – Спасибо за поздравление! – сказала громко напоследок, после чего завернула за угол.

– Святые зажимы! – Костя взглянул на время, которое настойчиво указывали стрелки небольших круглых часов. Он влетел в помещение, быстро снял верхнюю одежду, нацепил больничный халат и выскочил пулей из ординаторской.

Вернулся, потому что забыл бэйджик.

Снова вернулся, забрав телефон из мужской сумки.

Ещё раз вернулся, обматерив декабрьское утро и зиму в целом. Он сегодня с рассвета рассеянный донельзя.

Тем временем Тоня неспешно направлялась к сестринскому посту.

Просторный коридор медленно заполнил персонал. Светлый холл с деревянными наличниками оживал. Тоня подошла к стойке, постучала по ней костяшками пальцев, привлекая внимание занятой телефонным разговором медсестры. Та приветливо кивнула и, наклонив голову, зажала плечом трубку у уха. Тут же она молча выложила аккуратную стопку карт на стойку, а сама что-то неразборчивым почерком написала на отрывном стикере и потом положила трубку.

– Доброе утро, Антонина Михайловна, – поздоровалась медсестра, улыгнувшись. – С днём рождения, – сказала она и дополнила с любопытством: – У вас же сегодня, насколько я знаю?

– Доброе, Лидочка, – отозвалась Тоня, не отрывая взгляда от просмотра карт своих пациентов. – Спасибо за поздравление. Всё-то ты знаешь, ничего от тебя не укроется, – улынулась она. – Разве что анализы... Не вижу их у Егорова, сама назначала ему вчера утром. Сегодня уже край, как должны быть. Где они? – врач бросила вопросительный взгляд на медсестру.

– Сейчас поищу. Всё разделяла по картам вчера, – девушка начала копаться на столе, перебирая бланки и записи. – Нет, не приходили, – покачала она головой и развела руками.

– Позвони в лабораторию, скажи, что если они не пришлют готовые анализы через три минуты, то пусть отправляются за вазелином и костылями, – проговорила Тоня сурово. – Разгильдяи. Сколько можно уже постоянно задерживать? Пациентов несколько не жалко.

Медсестра открыла рот, чтобы прокомментировать услышанное, но ей не дали и слова сказать. В отделение вбежал санитар, постоянно оглядываясь назад. Он тяжело дышал и в основном матерился. При этом парень не переставал указывать на двери, которые едва не снёс.

– Там! Ожил! Труп ожил! Он ожил! – это были единственные нормальные слова, которые орал санитар.

Напуганный до чёртиков брюнет весь вспотел и побледнел. Он очень долго бежал, по всей видимости, словно от кого-то спасался. Начал крутиться на месте, обводя взглядом больничный холл, а когда увидел стоящих возле стойки людей, то сделал к ним пару шагов и рухнул на пол.

– Лида, нашатырь и ампулу мне! – Антонина тут же бросилась на помощь бедняге.

Медсестра засуетилась, быстро заскочила в сестринскую, открыв шкаф, достала оттуда всё необходимое и подбежала к терапевту. Вместе они привели горе-беглеца в чувства и смогли усадить его, облокотив спиной о стойку.

– Давай, Хусейн Болт, просыпайся, – Тоня похлопала парня по бледным щекам, а Лидочка водила под носом ватой с нашатырём. – Ты меня слышишь? – спросила врач, посветив фонариком в глаза санитару. Тот дёрнулся от яркого света и отмахнулся от ватки, которая источала тошнотворный запах. – Что случилось?

Санитар всё еще был в шоке. Он слабо понимал, что ему говорили, только мотал головой и смотрел по сторонам.

– Уволюсь к чертям собачьим... – выдохнул бедняга, попытавшись встать. Головокружение пригвоздило обратно к полу. – Дура... Не могла пульс пощупать... – продолжил он кого-то ругать. – Сомневаюсь, но я похоже описался, – жалостливо пробормотал санитар, детским взглядом одарив терапевта.

– А был повод? – вскинула бровь Тоня. *«Начало дня просто невероятно интригует. Кажется, будет весело»*, – вздохнула она.

Лидочка изо всех сил старалась сохранять серьёзность. Но издевательское напряжение на лице выдавало желание захохотать. Самой Тоне было не до смеха. Не станет просто так санитар бегать по всей больнице и кричать до хрипоты.

Ответом на логичный вопрос стал приход охранника. Молодой брюнет в тёмной форме быстро шагал по коридору. От него ещё веяло уличной прохладой, когда он подошёл.

– О, вот он, беглец, – прокомментировал мужчина, взглянув на бедолагу, который испуганно озирался по сторонам. – Хорошо бегаешь, парень. Хотя от такого и я чуть не рванул домой. Думал, что видел всё, оказалось, что есть еще на что посмотреть. Называется, выйди покурить и получишь место в первом ряду.

– Что случилось? – поинтересовалась Тоня, выпрямившись и поправив халат и стато-скоп. – От него пока толку никакого, хоть вы мне скажите, что там за цирк такой, – потребовала она, указав жестом на двери.

– Да ничего особенного, Антонина Михайловна, – бесстрастно сообщил мужчина. – Всего лишь труп ожил.

– Простите, что? – Врач ошарашенно уставилась на охранника. – Мне, видимо, цвет волос мешает вас понимать. Что значит, труп ожил? Как? – По телу пробежала мелкая дрожь. – Кто его так побеспокоил, что он ожил? Или наш патологоанатом нашёл тумблер включения подсветки мёртвого тела?

– Нет, Антонина Михайловна, он на носилках ожил. Его в машине растрясло, наверно. Санитары понесли его в морг, а он возьми и встань, зараза. Ребята носилки кинули и в рассыпную. Первый сюда бросился, а второй в машине заперся. Никак вытащить не могут. Все на взводе, никого не допросишься, а рацию мне этот чудик разбил. Психолог там нужен, или психиатр желательно. Не курочить же машину, чтобы вызволить оттуда истеричного парня...

– Лидочка, позвони в психиатрическое. Пусть найдут Валерия Максимовича. На месте уже должен быть, мне кажется, – сообщила Антонина медсестре.

Медсестра посмотрела на охранника. Она задержала взгляд, мило улыбнулась, заправив выбившийся из-под колпака локон и немного замялась, расправив рубашку сестринской формы. И отправилась за стойку.

***

К обеду хохотала вся больница, начиная от ординаторов и заканчивая уборщицами. Слухи по этажам разносились со скоростью звука. Из первых уст она была рассказана довольно скоро, но впоследствии по отделениям доходили разбавленные фантазией рассказы.

ДТП ранним утром не вызвало никакого напряжения. Каждый делал свою работу уверенно и быстро. Заледенелая дорога – некоторые говорили, что она вовсе никогда не посыпалась песком – очень коварно поступила с пьяным водителем «каблучка» и мужчины за рулём Матиза. Второй заснул за рулём после долгой поездки. Как позже выяснилось, он торопился с вахты домой. Судьба преподнесла ему подарок в виде пьяницы на ИЖе.

Виновник, а именно таковым он себя считал, носился по обочине, держась за голову – не хватало после работы ещё и грех на душу взять. К приезду санитаров ему стало ещё хуже.

Медсестра спустилась вниз, утопая ногами в рыхлый снег. Поправила больничную куртку и открыла дверцу машины. Мужчина лежал неподвижно, головой упёршись в руль. Один глаз был открыт, руки безвольно висели, на лице много крови. Признаков жизни, на первый взгляд, нет.

Девушка не придумала ничего лучше, чем просто постучать шариковой ручкой по глазу. Реакции никакой – глазное яблоко остекленело. Нет бы пульс пощупать и проверить дыхание... Закончив с «осмотром», она скомандовала грузить предполагаемого покойника в машину, чем вызвала истерику у живого водителя, который встал на колени и взвыл от отчаяния.

Скорая неспешно двигалась по трассе, потом постояла в пробке. Спешить некуда. Трупы-то уже всё равно...

Ни у кого не возникло подозрений, что человек жив. Раз медсестра сказала, что умер, значит, он умер. Глаз остекленел, движения не было, на улице минус шестнадцать. Кто ж знал, что у мужчины всего лишь глазной протез!

Машина остановилась на парковке для спецтехники. Санитары небрежно выволокли носилки с трупом и пошли в морг.

Покойник неожиданно сделал глубокий вдох, закашлялся и, кряхтя, принял сидячее положение. Он схватился за окровавленную голову и простонал от боли. Санитар, шедший сзади, что-то ошарашенно пропищал и бросил носилки, помчавшись прочь. Он перепугался ни на шутку. Снося все двери, бордюры, не замечая никого вокруг – даже охранников и уборщиц,

он бежал. Влетел в терапию, где и отключился. Медсестра уже лежала без сознания от увиденного.

Второй же парень очень не вовремя обернулся. «Покойник» как раз поднимался на ноги, изрядно матерясь и дрожа от холода. Неся пьяный бред, он потянулся руками к санитару.

Перепуганный мужчина не понимал ни слова, сказанного ожившим «мертвецом». Бедолага отступал к машине, а якобы покойный продолжал преследовать его. Парень заперся в скорой и держал двери всеми силами, тогда как начавший сильно замерзать пьянчуга ломился туда в попытке согреться.

Водителя ИЖа протрезвили и всё объяснили, медсестру привели в чувства в последствии, а второго санитаря еле удалось выманить из машины. Его вытаскивали едва ли не силой. Это был его первый рабочий день... и последний.

Обеденный перерыв заканчивался, и врачи расходились по своим делам. Они поделились версиями, поохотали над случаем, разобрав его от и до, и отправились работать. Живые пациенты никуда не делись.

Тоня встала с маленькой софы, продолжая улыбаться. «*Вот идиоты*», – она прикрыла глаза и покачала головой. Как можно было не проверить пульс? До чего скатились медсестры? Вопросы оставались без ответа, да и как на них ответить, если до сих пор пробирал смех.

– Сегодня вечером всё в силе, – Костя обнял её за плечи и шепнул весело на ухо. – И не вздумай убежать, – дополнил он с улыбкой. – Я никогда не позволю тебе скучать в твой день рождения.

– Костя. Мне правда не хочется, – попытка оправдать своё нежелание была не столь убедительной.

– Ты уже оценила подарок? – подмигнул Засельский, встав напротив. Он выжидающе выгнул бровь. – Я помню, какой ты была, знаю ещё с института, что ты любишь, так что не говори мне, что тебе не хочется. – Он указал жестом на Тоню, словно уличая её в чём-то. – Тебе просто не с кем пойти.

– Подарок? – опомнилась она. – Ой, прости, пожалуйста, – запричитала Тоня виновато. – Я забыла... Прости. Я говорила, чтобы мне ничего не дарили, но... – Понимая, что сейчас обидит коллегу, она замолчала.

– Ну так посмотри. Я знаю, тебе понравится. – Его пальцы скользнули по женскому плечу, и он направился к лифту, привычно насвистывая любимую мелодию.

Антонина проводила Костю взглядом. Она снова улыбнулась. На сей раз искренне и мило. Но никак не могла понять для себя, почему Засельский так к ней прилип в последнее время. Нет, ей нравилась его компания, они часто обедали вместе, он провожал Тоню до дома.

Сейчас трудно было ответить на вопрос: что не так с отношением к мужчине? Она не может уже назвать его другом, но и повысить ставки не в силах. Его улыбка заразительна, как и смех. Глаза цвета горького шоколада притягивали своим блеском. Он так странно смотрел, словно пытался что-то передать по мысленной связи. От него веяло заботой. Когда он говорил, можно было часами слушать его... звонкие нотки в его размеренном голосе завораживали даже невнимательного слушателя, Плавная речь не изобиловала красками. Но она невероятно притягательна. Аккуратность во всём... в одежде, в манере говорить, в жестах, походке, внешности... в отношении.

Тоня помотала головой, отгоняя навязчивые мысли о коллеге. Несколько минут она стояла в комнате, чувствуя, как сердце ритмичным стуком уже отбивало чётку. Машинально сунув руку в карман больничного халата, женщина выудила оттуда коробочку и неспешно открыла её. Пальцы словно застывали, они не слушались. «*Я знаю, тебе понравится*», – пронеслось в мыслях.

И вот, она увидела то, что так старательно скрывала крышка коробочки. Костя снова заставил её улыбнуться. Он обладал способностью дарить людям радость. Ровный квадратный

листочек отрывного стикера приковал взгляд и сделал улыбку ещё шире. «*Улыбайся почаще. Тебе очень идёт. К. З.*» – написано разборчивым, но мелким почерком. Так же в коробочке лежали два билета на каток на позднее время.

– Ты знаешь меня лучше, чем я сама, – прошептала мечтательно Антонина.

Глава 10

Свежий воздух был настолько морозным, что казалось, будто в груди обожгло кипятком. Ярослав не мог нарадоваться выписке. Надоело видеть лица неухоженных забитых медсестер в однообразной форме, регулярно общаться с врачом, которая была груба и порой отстранённо, лежать в койке, изучая взглядом пациентов разного социального статуса... Всё надоело.

Он не привык никого просить или жаловаться на жизнь. Таких никто не ценит и не любит. Естественный отбор продолжает ужесточаться, несмотря на то, что вместо растительных джунглей неуклонно растут каменные. Сильный пожирает слабого, умный – глупого, хитрый – простого. Прежние законы преобразуются и старые больше не имеют смысла.

Но пришлось дать слабину. Как бы ни было печально или даже отвратительно, но позвонить в клуб всё же понадобилось. Пересилить себя в ситуации, когда даже жизнь претит и становится ненавистной, очень сложно. Однако сразу после перевода в палату, Арский попросил у соседа мобильный телефон и связался со своим управляющим. Разговор был коротким, но важным.

В отличие от друга, неизвестно от чего скрывающегося в последние дни, Юрий ответил. Он, судя по голосу, был не рад. Однако выполнил беспрекословно каждую просьбу. Он привёз чемодан и мобильный, оставленные в кабинете, забрал машину у скрытного Фёдора и пригнал её на платную стоянку недалеко от больницы, оплатив парковку деньгами, которые перевёл Ярослав.

Никто не приходил к Арскому, никто не спрашивал, как у него здоровье и что он чувствует. Ему это не нужно. Когда девушки официантки спрашивали об этом, он сразу обрывал вызов. Ни к чему лишнее беспокойство. Наверняка справлялись о нём только потому, что хотели поскорее услышать о смерти. Суки. Некоторые из них очень красивые, вежливые и даже наивные. Но всё равно суки.

Зимний ранний закат сменился голубоватым светом фонарей. Снег словно впитывал это сияние и не давал густой тьме заполучить территорию в свои временные владения. Пушистые снежинки мило кружились, подгоняемые усиливающимся ветром. Они слипались и засыпали только что расчищенные дорожки, стоянку, въезд и парковку.

Ярослав медленно застегнул пальто, не спеша закрываться от пощипывающего тело морозца. Управившись с последней пуговицей, которая никак не поддавалась, он вытащил из чемодана перчатки и неспешно двинулся к воротам, чтобы покинуть территорию больницы.

Действие лекарств прошло давно, а боль всё никак не приходила. Ярослав ждал её как турист лета, потому что привык к ней. Давняя подруга никогда не покидала его и из раза в раз приходила, чтобы поприветствовать своего постоянного «клиента». Но сейчас лишь слабое её касание, словно прощальное, пришлось по коже едкими уколами. Непривычно.

Лезвие выкидного ножа будто снова вонзилось в живот, когда Ярослав столкнулся с полицейским, который куда-то торопился с букетом цветов.

– Глаза разуй, придурок, – вместо извинений прорычал он.

Ярослав не стал ничего отвечать. Он только ехидно ухмыльнулся, а потом выпрямился, тяжело выдохнув и приложив ладонь к животу. Боль... Как же он рад её чувствовать. Она отрезвляет. Арский был от неё зависим. Боль помогала... она глушила воспоминания. Каждый раз, когда боль проходит, перед глазами стоит мать... Пьяная проститутка с ярким небрежным макияжем, в леопардовой кофточке и короткой помятой юбке. Ноги и руки в синяках. Когда женщина улыбалась – делала она это только перед клиентами – редкозубая кривая ухмылка выдавала в ней алкоголичку. В свои тридцать она тянула на все шестьдесят с гаком – так сильно водка и наркота изуродовали её.

Арский повернулся, словно в очередной раз услышал *её имя*. Он искал взглядом того навязчивого призрака и мысленно пытался прогнать. Когда не получилось избавиться от ноющей боли в висках, он приложил ладонь к животу сильнее и начал сжимать пальцы. Шикнул от обжигающих волн и слабого онемения вокруг зашитых и подзаживших ран. Помогло. Отрезвило.

Столько лет прошло... Не в первый раз Ярослав замечал такую особенность. После приезда и нападения тех гопников он всё чаще вспоминал мать.

Мама... От этого слова выворачивало наизнанку. Она была кем угодно: шлюхой, мучителем, надзирателем, палачом, подстилкой, алкоголичкой, наркоманкой, прислугой, уродиной... но только не мамой.

Взгляд выцепил интересную картину. Арский собирался отвернуться, но застыл, сам того не желая. Разум и тело словно на миг разделились, что позволило второму немного похозяйничать.

Мужчина, сняв фуражку, отчаянно пытался завоевать внимание и расположение женщины, которая смотрела на него с неприкрытой ненавистью и даже отвращением. Взгляд выдавал её эмоции, а на лице – маска абсолютного безразличия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.